

Организація общественнаго призрѣнія въ Россіи.

Правительствен-
ная Коммиссія подъ
предсѣдательствомъ
статсъ-секретаря Гро-
та, ея личный со-
ставъ и задачи ея дѣя-
тельности.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1892 года образована была, съ Высочайшаго соизволенія, особая правительственная Коммиссія по пересмотру дѣйствующаго законодательства объ общественномъ призрѣніи, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря К. К. Грота. «Въ составъ Коммисіи вошли представители вѣдомствъ, имѣющихъ наибольшее отношеніе къ дѣлу призрѣнія, нѣкоторые профессеры, ученые, представители временной печати, разрабатывавшіе вопросы въ этой области, и наконецъ нѣсколько лицъ, близко стоящихъ къ практикѣ этого дѣла. Ближайшими цѣлями этой Коммисіи ставились: пересмотръ нынѣ дѣйствующихъ законовъ о призрѣніи бѣдныхъ и составленіе проекта законодательныхъ мѣръ какъ въ общемъ, такъ и въ частностяхъ» (Представленіе Мин. Внутр. Дѣлъ Государственному Совѣту объ измѣненіи и дополненіи устава объ общественномъ призрѣніи, стр. 90).

Такъ какъ, по Высочайше утвержденному 22 октября 1892 года докладу Министра Внутреннихъ Дѣлъ, въ эту Коммиссію имѣли поступить членами директоры Хозяйственнаго и Медицинскаго Департаментовъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и изъ представителей Министерства Финансовъ и Кодификаціоннаго Отдѣла Государственного Совѣта, по одному изъ каждаго вѣдомства, то представителя Духовнаго Вѣдомства въ Коммиссіи статсъ-секретаря К. К. Грота и не было. Въ виду же того, что дѣло общественнаго призрѣнія, въ настоящей его постановкѣ, *заключаетъ въ себя*, по указанію опыта, *коренные* недостатки и настоятельно требуетъ обновленія, статсъ-секретарю К. К. Гроту тѣмъ же Высочайшимъ повелѣніемъ предоставлено было, по соглашенію съ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, приглашать, въ качествѣ членовъ Коммисіи, и лицъ другихъ вѣдомствъ и учреждений (ibid. стр. 138). Но и на этомъ основаніи, какъ видно изъ дѣлъ Канцеляріи Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, членъ отъ Духовнаго Вѣдомства не былъ приглашенъ въ Коммиссію статсъ-секретаря К. К. Грота. Между тѣмъ, по существу дѣла, въ виду закона 2 августа 1864 г. о приходскихъ попечительствахъ при православныхъ церквяхъ, въ этой Коммиссіи долженъ бы присутствовать и представитель Духовнаго Вѣдомства, хотя бы для доставленія ей точныхъ справокъ и основательныхъ объясненій тѣхъ историческихъ и общественно-бытовыхъ данныхъ, касающихся приходской благотворительности, не принимая во вниманіе которыхъ едва ли можно было имѣть правильное сужденіе о ней, а тѣмъ болѣе — осудить ее и названный законъ. «Въ ряду вѣдомствъ и установленій, вѣдающихъ общественное призрѣніе въ Россіи», говорится въ представленіи Государственному Совѣту Министра Внутреннихъ Дѣлъ, «совершенно исключительное положеніе занимаютъ церковно-приходскія

«Съ первыхъ же шаговъ дѣятельности Коммиссіи статсъ-секретаря Грота, предъ ней возникъ вопросъ о томъ, насколько необходимы для нея, и въ какомъ именно объемѣ, матеріалы о современномъ положеніи общественнаго призрѣнія въ Россіи. Ближайшими свѣдѣніями устанавливалось, что учрежденій для призрѣнія бѣдныхъ у насъ очень мало, что организація и самые типы ихъ еще не установлены, что матеріальныхъ средствъ для этого весьма недостаточно. Въ виду этого самое собраніе матеріаловъ о дѣлѣ неустановленномъ и неорганизованномъ казалось бесполезнымъ, а потому большинство членовъ Коммиссіи статсъ-секретаря Грота склонилось въ пользу того мнѣнія, по которому слѣдовало прямо приступить къ составленію новаго устава объ общественномъ призрѣніи, примѣняясь для этой цѣли, насколько возможно, къ образцовымъ законодательствамъ другихъ государствъ. Для исполненія такой работы Коммиссія выдѣлила изъ своего состава особую подкоммиссію, на которую и было возложено составленіе проекта закона объ организаціи общественнаго призрѣнія въ Россіи» (ibid. стр. 90).

«По мѣрѣ работъ подкомиссіи, постепенно выяснялась вся трудность предстоящаго ей дѣла и настоятельная необходимость въ свѣдѣніяхъ о постановкѣ общественнаго призрѣнія въ провинціи. Дѣйствующее законодательство, при ближайшемъ ознакомленіи съ нимъ, оказалось слишкомъ общимъ и неопредѣленнымъ, не дающимъ во многихъ случаяхъ указаній о способахъ практическаго осуществленія мѣръ по призрѣнію, а потому допускающимъ на мѣстахъ полное разнообразіе видовъ общественнаго призрѣнія. Между тѣмъ Комиссія не имѣла о нихъ никакихъ свѣдѣній» (ibid. стр. 91).

Въ виду этого для работы въ томъ объемѣ, который былъ указанъ подкоммиссiи, очень скоро потребовались матеріалы, опредѣляющіе въ дѣлѣ общественнаго призрѣнія роль мѣстныхъ правительственныхъ и общественныхъ органовъ, сословныхъ учреждений и частныхъ благотворителей, указывающихъ зависимость дѣятельности по призрѣнію отъ общихъ и мѣстныхъ условій, и уясняющихъ, хотя бы въ общихъ чертахъ, дѣйствительный размѣръ той помощи бѣднымъ, которая оказывается на мѣстахъ, и тѣхъ способовъ, которые наиболѣе соответствуютъ нуждамъ дѣла. Съ цѣлью получить если не все, то хотя бы часть этихъ матеріаловъ, Коммиссія обратилась, при посредствѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, къ начальникамъ губерній и областей о доставленіи статистическихъ свѣдѣній о положеніи общественнаго призрѣнія на мѣстахъ, собрала и издала данныя о призрѣніи въ Финляндіи, затѣмъ командировала одного изъ своихъ членовъ въ губерніи Царства

Польскаго для изученія тамъ этого дѣла и наконецъ просила принять участіе въ ея работахъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ дѣятелей.

«Предпринятое Коммиссіею собраніе матеріаловъ по общественному призрѣнію не пріостановило дѣйствій подкоммиссіи, которая, пользуясь частью поступившихъ матеріаловъ и изданными Коммиссіею данными объ иностранномъ законодательствѣ по общественному призрѣнію, продолжала свои работы» и, закончивъ свои занятія, представила Коммиссіи плоды своихъ трудовъ въ формѣ «Доклада подкоммиссіи по общимъ вопросамъ организаціи призрѣнія бѣдныхъ».

«Проектъ подкоммиссіи вызвалъ болѣе или менѣе значительныя разногласія въ средѣ лицъ, обсуждавшихъ его, вслѣдствіе чего Коммиссія остановилась на мысли разослать его не только всѣмъ членамъ своимъ, но и болѣе извѣстнымъ дѣятелямъ по благотворительности, нѣкоторымъ губернаторамъ, профессорамъ-специалистамъ въ этой области и просить всѣхъ о доставленіи своихъ письменныхъ заключеній по поводу проекта подкоммиссіи. Поступившія вслѣдствіе этого въ Коммиссію мнѣнія и отзывы были собраны въ общую сводную записку, которая была пополнена впослѣдствіи вновь присланными сообщеніями».

Такъ какъ авторами присланныхъ въ Коммиссію заявленій «высказаны были разнообразныя мнѣнія, не согласныя съ заключеніями подкоммиссіи, и избраны *иныя исходныя точки зрѣнія*, то предсѣдатель Коммиссіи, прежде обсужденія ихъ въ общемъ собраніи, нашелъ необходимымъ согласить ихъ между собою и *найти* такую *почву*, на которой возможна была бы общая работа всѣхъ членовъ, а не односторонняя защита и разработка отдѣльныхъ положеній. Созванное съ этою цѣлью *частное совѣщаніе* изъ нѣкоторыхъ членовъ Коммиссіи нашло, что установить означенное согласованіе было бы наиболѣе удобно, выработавъ такія *общія практическія формы* призрѣнія бѣдныхъ, которыя могли бы одинаково удовлетворить представителей различныхъ теоретическихъ взглядовъ на это дѣло. Въ виду такого рѣшенія совѣщанія, вопросъ съ общихъ теоретическихъ положеній *свелся* къ установленію *практической организаціи* дѣла призрѣнія, т. е., главнымъ образомъ *мѣстныхъ органовъ и круги ихъ обязанностей*. Въ такихъ предѣлахъ работа приняла вполне опредѣленный характеръ, и профессоръ Герье взялъ на себя трудъ выработать положеніе *объ общественномъ призрѣніи въ городахъ и уѣздахъ*».

Когда представленъ былъ профессоромъ Герье проектъ «Дополненія къ своду учреждений и уставовъ объ общественномъ призрѣніи», Коммиссія, усмотрѣвъ въ немъ нѣкоторые существенные недостатки и трудности, нашла, что «предпринимать *коренныя преобразованія* въ дѣлѣ призрѣнія, безъ соображенія съ мнѣніями мѣстныхъ дѣятелей, представляется *преждевременнымъ*. Въ виду этого многіе члены Коммиссіи, *предварительно разсмотрѣнія во всѣхъ подробностяхъ* представленныхъ проектовъ общественнаго призрѣнія—подкоммиссіи и профессора Герье, находили весьма важнымъ и необходимымъ получить объ указанныхъ проектахъ отзывы и замѣчанія *со стороны мѣстныхъ учреждений*, и особенно со стороны земствъ и городовъ, и кромѣ того *выяснить участіе земства въ дѣлѣ призрѣнія за все время существованія* земскихъ учреждений. Руководствуясь этимъ, Коммиссія постановила: во 1-хъ, обратиться циркулярно, съ приложеніемъ проектовъ подкоммиссіи и профессора Герье, ко всѣмъ городскимъ управамъ губернскихъ городовъ, а также болѣе значительныхъ уѣздныхъ городовъ, и къ губернскимъ земскимъ управамъ, прося первыя высказать отъ себя, а вторыя, по совѣщанію съ предсѣдателями уѣздныхъ управъ, свои *мнѣнія* по имѣющимъ быть изложенными въ циркулярѣ вопросамъ пунктамъ, имѣя въ виду то практическое разрѣшеніе ихъ, которое намѣчено въ прилагаемыхъ къ циркуляру проектахъ. Кромѣ того, во 2-хъ, Коммиссія нашла необходимымъ продолжать

разработку материалов по общественному призрению, въ 3-хъ, разработать земскій опытъ въ этомъ дѣлѣ, и въ 4-хъ, по полученіи отзывовъ отъ земскихъ и городскихъ учреждений въ отвѣтъ на циркуляръ Коммиссіи, составить общій сводъ ихъ. Что же касается, въ 5-хъ, губерній не земскихъ, въ которыхъ дѣйствуютъ Приказы общественного призренія, то Коммиссія признала возможнымъ не касаться ихъ, въ виду возникшаго въ правительственныхъ сферахъ предположенія объ устройствѣ въ этихъ губерніяхъ мѣстнаго самоуправления, безъ участія котораго, по мнѣнію Коммиссіи, едва ли возможно достигнуть въ нихъ существеннаго улучшенія дѣла призренія. Наконецъ въ 6-хъ, въ виду заявленія предсѣдателя Коммиссіи статсъ-секретаря Грота, что, по состоянію его здоровья, онъ принужденъ на нѣкоторое время оставить Петербургъ, Коммиссія нашла необходимымъ «поручить составленіе предположеннаго къ разсылкѣ въ земскія и городскія управы циркуляра и вопросныхъ пунктовъ къ нему особому бюро, образованному подъ предсѣдательствомъ директора Хозяйственнаго Департамента гофмейстера Кабата изъ пяти членовъ Коммиссіи» (ibid. стр. 90—93).

Такимъ постановленіемъ, собственно говоря, и закончилась дѣятельность Коммиссіи по пересмотру дѣйствующихъ законовъ о призреніи бѣдныхъ и составленію проекта законодательныхъ мѣръ, какъ въ общемъ, такъ и въ частностяхъ. «По случаю разстроеннаго здоровья члена Государственнаго Совѣта, статсъ-секретаря Грота, Государю Императору 13 марта 1897 года благоугодно было Всемилостивѣйше соизволить на освобожденіе его отъ дальнѣйшаго предсѣдательства въ Высочайше учрежденной Коммиссіи по пересмотру дѣйствующаго законодательства объ общественномъ призреніи и частной благотворительности. При этомъ Его Императорское Величество повелѣть соизволилъ прекратить дѣйствія Коммиссіи, учрежденной подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Грота, съ передачею всѣхъ ея трудовъ и дѣлъ, для дальнѣйшаго производства и направленія, въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ» (ibid. стр. 138).

Бюро Коммиссіи еще 30 марта 1895 года начало исполнять свои обязанности по разсылкѣ вышеозначенныхъ (числомъ 12) вопросовъ въ земскія управы; въ городскія же управы они посланы 9-го апрѣля того же года. «Большая часть губернскихъ земскихъ управъ прислала въ бюро Коммиссіи свои отвѣты втеченіе 1895 года. Что же касается городскихъ управъ, то таковыя отнесли къ запросу Коммиссіи довольно равнодушно и лишь въ относительно рѣдкихъ случаяхъ доставляли ей свои отвѣты. Даже управы огромнаго большинства крупныхъ областныхъ и губернскихъ городовъ не пожелали принять участія въ обсужденіи такихъ важныхъ для государства вообще, а для городовъ въ частности, вопросовъ, и не прислали въ Коммиссію своихъ соображеній». Статсъ-секретарь Гротъ, въ виду спѣшности работы и, очевидно, состоянія своего здоровья, «не нашелъ возможнымъ откладывать опубликованіе полученныхъ отъ земствъ и городовъ отвѣтовъ на основные вопросы общественного призренія, предполагая, что наиболѣе важные и интересные изъ отвѣтовъ, имѣющихъ быть сообщенными въ будущемъ, могутъ быть опубликованы позднѣе, по полученіи ихъ» (Сводъ отвѣтовъ стр. 1—3). Сколько было прислано къ веснѣ 1896 года, столько было и напечатано. «Въ средѣ Коммиссіи возникли попытки разработать, пригодныя для законодательнаго разрѣшенія, положенія объ общественномъ призреніи и провести ихъ предварительно чрезъ общее собраніе Коммиссіи. Попытки эти закончились составленіемъ трехъ проектовъ положенія объ общественномъ призреніи, которые въ началѣ 1897 года были представлены въ Коммиссію подъ №№ 1-мъ, 2 и 3-мъ. При обсужденіи этихъ проектовъ въ Коммиссіи, члены ея почти единогласно вы-

41
5

сказались въ пользу послѣдняго; но обсужденіи въ послѣдовательномъ порядкѣ его отдѣльныхъ частей не могло состояться по случаю закрытія самой Коммиссіи» (Представленіе Государственному Совѣту Министра Внутреннихъ Дѣлъ, стр. 96).

Изъ всего вышеизложеннаго о ходѣ занятій Коммиссіи статсъ-секретаря Грота открывается, что задачи, возложенныя на нее Высочайшею волею, не выполнены частью вслѣдствіе «разстроеннаго здоровья и болѣзненнаго состоянія» ея предсѣдателя, частью же вслѣдствіе метода ея занятій. Она начала съ составленія проекта, а закрыта при собираніи свѣдѣній для составленія такого проекта. Она не успѣла даже выработать основныхъ положеній новой постановки дѣла общественнаго призрѣнія, въ виду коихъ предположено было пересмотрѣть проектированныя профессоромъ Герье «Дополненія къ своду учреждений и уставовъ объ общественномъ призрѣніи». А это, очевидно, главное. Не въ томъ дѣло, кто будетъ завѣдывать и руководить общественнымъ призрѣніемъ въ Имперіи — земство ли, или обыкновенные Приказы общественнаго призрѣнія, а въ томъ, какъ организовать призрѣніе на мѣстѣ, чтобы требующіе такового въ городахъ и селахъ дѣйствительно и въ должной мѣрѣ имъ пользовались. Коммиссія, обязанная Высочайшею волею пересмотрѣть существующія постановленія о призрѣніи бѣдныхъ въ Россіи, нашла возможнымъ для себя заниматься только призрѣніемъ въ земскихъ губерніяхъ Имперіи, въ виду существующаго предположенія въ правительственныхъ сферахъ, о введеніи и въ неземскихъ губерніяхъ самоуправленія, и того своего, спорнаго пока, мнѣнія, что «безъ участія самоуправленія едва ли возможно достигнуть въ неземскихъ губерніяхъ существеннаго улучшенія дѣла призрѣнія». Что же касается до обращенія Коммиссіи къ губернскимъ земскимъ управамъ и городскимъ управамъ въ губернскихъ городахъ съ истребованіемъ отъ нихъ свѣдѣній и заключеній по проектамъ, составленнымъ подкоммиссіею и профессоромъ Герье, то, не говоря уже о засвидѣтельствованномъ, въ вышеприведенныхъ словахъ бюро, равнодушномъ отношеніи къ этому дѣлу городскихъ управъ, въ отвѣтахъ земскихъ управъ не всегда можно найти что-нибудь больше общихъ мыслей на данную тему.

Проектъ общественнаго призрѣнія въ Россіи, выработанный подкоммиссіею.

Проектъ общественнаго призрѣнія въ Россіи, выработанный подкоммиссіею, построенъ на слѣдующихъ началахъ:

1. Помощь бѣднымъ и неимущимъ *всѣхъ сословій*, независимо отъ вѣроисповѣданія, возлагается на обязанность государства; общественнымъ же и сословнымъ учрежденіямъ предоставляется лишь ограниченное значеніе въ дѣлѣ общественнаго призрѣнія. По вопросу о порядкѣ покрытія расходовъ на призрѣніе, превышающихъ платежныя силы мѣстныхъ хозяйственныхъ единицъ или имѣющихъ общегосударственное значеніе, подкоммиссія, за исключеніемъ одного члена, оставшагося при особомъ мнѣніи, признала необходимымъ созданіе *особаго фонда*, специально назначеннаго на дѣло *призрѣнія*. «Имѣя въ виду, сказано въ докладѣ подкоммиссіи, *страховой* характеръ государственнаго призрѣнія, какъ обеспечивающаго каждое лице, на территоріи государства находящееся, на случай крайней нужды, казалось бы справедливымъ привлеченіе *всѣхъ и каждого безъ различія пола, возраста и званія* къ уплатѣ такой страховой преміи, которая бы обеспечивала дѣло призрѣнія отъ всякихъ случайностей и не обременяла бы государственное казначейство новыми расходами. Если принять размѣръ таковой страховой преміи въ 3 к. съ души сельскаго населенія и 10 к. съ населенія городовъ, то, по вычисленіямъ подкоммиссіи, получится, за отчисленіемъ на недоборы 10% валовой суммы, свыше 4.000.000—5.000.000 р. ежегодно. Изъ этой суммы надлежало бы отчислять пз-

вѣстный процентъ (10—20%) въ запасный фондъ по призрѣнію, а остальная часть могла бы идти на воспособленіе мѣстныхъ органовъ по числу призрѣваемыхъ въ каждой губерніи и на удовлетвореніе потребностей призрѣнія, *расходы на которое*, по характеру призрѣнія, подлежали бы отнесенію *на общегосударственныя средства*. Оправданіемъ такого проекта большинство подкомиссіи находитъ въ установленномъ (Высочайше утв. мнѣніе Госуд. Совѣта 24 апр. 1890 г.) въ Привислянскомъ краѣ сборъ на содержаніе благотворительныхъ заведеній Варшавскаго совѣта общественнаго призрѣнія (Докладъ подкомм. стр. 19—20).

2. Каждый дѣйствительно нуждающійся имѣетъ *право* на помощь и, при неоказаніи ему вспомошествованія, можетъ приносить *въ установленномъ порядкѣ жалобу*. И

3. Для завѣдыванія призрѣніемъ учреждается отдѣльное вѣдомство съ инстанціями—низшею, среднею и высшею. За отправную точку при составленіи плана будущей организаціи призрѣнія Комиссія единогласно полагала «принять существующее его устройство въ губерніяхъ, гдѣ введены земскія учрежденія, не касаясь пока вовсе вопроса о томъ, какія отклоненія отъ предположеннаго общаго типа организаціи должны быть допущены въ нѣкоторыхъ частяхъ Имперіи по особымъ мѣстнымъ условіямъ и въ соотвѣтствіи съ дѣйствующими тамъ мѣстными узаконеніями» (ibid. стр. 1). Принявъ такую точку зрѣнія и «признавая въ принципѣ необходимымъ объединеніе дѣятельности всѣхъ мѣстныхъ органовъ государственнаго призрѣнія подъ властью *одного* высшаго центральнаго управленія, надзору и руководству котораго должна быть равнымъ образомъ подчинена и совокупная дѣятельность всѣхъ частныхъ благотворительныхъ обществъ и *учрежденій*» (ibid. стр. 2), а равно руководясь и нѣкоторыми другими соображеніями, о коихъ подробно говорить здѣсь неумѣстно,—подкомиссія «остановилась на мысли о необходимости организаціи *участковыхъ попечительствъ* въ качествѣ *первыхъ и ближайшихъ* коллегіальныхъ инстанцій для разсмотрѣнія ходатайствъ просителей и оказанія первоначальной помощи нуждающимся мѣстнымъ жителямъ. Дѣйствуя въ небольшихъ сравнительно районахъ, такіа попечительства будутъ имѣть полную возможность, каждое по своему участку, распознавать дѣйствительно нуждающихся и опредѣлять наиболѣе цѣлесообразный по даннымъ условіямъ способъ вспомошествованія. Предѣльною нормою населенія отдѣльныхъ участковъ, на которые съ успѣхомъ можетъ простираться дѣятельность участковыхъ попечительствъ, подкомиссія полагала возможнымъ принять для *городовъ* 10.000 жителей, установивъ правиломъ, что города съ населеніемъ, превышающимъ эту цифру, должны въ силу закона дѣлиться на соотвѣтственное число участковъ. Прежде, однако, чѣмъ придти къ окончательному выводу о предпочтительности организаціи призрѣнія по участковой системѣ, подкомиссія подвергла подробному обсужденію вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли изъ существующихъ мелкихъ единицъ—приходъ, сельское общество или волость» (ibid. стр. 5) признать за участковую единицу попечительства, и нашла, что «ни одна изъ существующихъ мелкихъ административныхъ единицъ въ уѣздѣ не можетъ считаться вполне пригодною для цѣлесообразной организаціи государственнаго призрѣнія, а потому слѣдуетъ отдать предпочтеніе образованію *искусственной единицы—участка*, который представлялъ бы собою объединеніе всѣхъ постоянныхъ его жителей по отношенію къ праву пользованія призрѣніемъ въ мѣстѣ своего пребыванія и *на мѣстныхъ средства*. Конечно, при этомъ было бы весьма желательно, чтобы каждый такой *участокъ* по своему протяженію и численности населенія представлялъ одинаковую единицу, но затрудненія (какъ быть съ бѣдными не изъ крестьянъ, живущими на территоріи волости?) побудили подкомиссію отказаться отъ этого

теоретическаго требованія и допустить, что проектируемый участок долженъ, въ видѣ общаго правила, совпадать по размѣрамъ своимъ съ существующею волостью. Дѣленіе же волости на отдѣльные участки можетъ быть допущено, по мѣтнію подкоммиссіи, въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда этого безусловно требуетъ численность населенія данной волости въ связи съ разбросанностью его на значительномъ протяженіи; при этихъ условіяхъ подкоммиссія предполагаетъ распространить на волость правило, принятое ею относительно городовъ съ населеніемъ, превышающимъ норму въ 10.000 жителей, именно—обязательное дѣленіе на участки» (ibid. стр. 5—8).

Почему же подкоммиссія не приняла существующей искони единицы призрѣнія бѣдныхъ, т. е. прихода? Очевидно, потому, что предъ нею носился идеалъ не православнаго, а инославнаго прихода, и она предпочла предоставить времени достиженіе ея идеала. «Во всѣхъ государствахъ, говоритъ она въ своемъ докладѣ, гдѣ первоначально, въ періодъ исключительнаго развитія церковной благотворительности, единицею организаціи призрѣнія бѣдныхъ служилъ *церковный* приходъ, съ передачею дѣла призрѣнія въ руки свѣтской власти, на-ряду съ церковнымъ приходомъ долженъ былъ образоваться, собственно для цѣлей устройства призрѣнія бѣдныхъ, особый *гражданскій* приходъ (civil parish въ Англіи), не совпадающій съ первымъ даже и по своимъ территоріальнымъ границамъ (такимъ образомъ отъ прежняго церковнаго прихода, какъ единицы организаціи призрѣнія, здѣсь сохранилось одно лишь названіе)». «Принятіе же теперь церковнаго прихода въ основу организаціи государственнаго призрѣнія было бы неудобно потому, что надзоръ за дѣятельностью органовъ государственнаго призрѣнія долженъ, очевидно, принадлежать не епархіальному начальству, а уѣзднымъ и губернскимъ властямъ». Кромѣ того «обращеніе церковнаго прихода въ единицу организаціи общественнаго призрѣнія естественно повлекло бы за собою упраздненіе существующихъ по закону 1864 г. церковно-приходскихъ попечительствъ въ качествѣ *самостоятельныхъ органовъ* призрѣнія, имѣющихъ свои собственные источники матеріальныхъ средствъ; между тѣмъ сохраненіе и дальнѣйшее развитіе церковно-приходской благотворительности на-ряду съ *государственнымъ* призрѣніемъ, въ качествѣ *вспомогательной его отрасли*, представлялось бы полезнымъ и желательнымъ» (ibid. стр. 6).

Какъ въ сельскихъ участкахъ, на которые предполагалось подѣлить уѣздъ, такъ и въ городскихъ—ближайшимъ къ населенію *правительственнымъ органомъ призрѣнія* должно быть, по предположеніямъ подкоммиссіи, *участковое попечительство*. Личный составъ *сельскихъ участковыхъ попечительствъ* образуютъ: 1) мѣстные землевладѣльцы или ихъ представители (управляющіе, арендаторы и т. п.), въ числѣ не болѣе трехъ, избираемые такъ же, какъ и председатель участковаго попечительства, уѣзднымъ попечительствомъ на трехлѣтній срокъ; 2) волостной старшина; 3) выборные отъ крестьянъ, по избранію волостнаго схода, въ числѣ не болѣе трехъ; 4) одинъ изъ мѣстныхъ врачей—тамъ, гдѣ это окажется возможнымъ; 5) одинъ изъ священнослужителей, по назначенію архіерея, и 6) одинъ изъ учителей мѣстныхъ народныхъ училищъ. Мѣстный земскій начальникъ считается почетнымъ членомъ попечительства. Что касается *городскихъ участковыхъ попечительствъ*, то въ составъ ихъ должны войти: 1) мѣстные, въ предѣлахъ даннаго участка, домовладѣльцы, въ числѣ не болѣе трехъ, избираемые на три года уѣзднымъ попечительствомъ; 2) обыватели участка (не домовладѣльцы, квартиранты), избираемые въ томъ же числѣ, на тотъ же срокъ и тѣмъ же порядкомъ; 3) полицейскій чиновникъ, по назначенію начальства мѣстной полиціи; 4) врачъ, по приглашенію уѣзднаго

попечительства; 5) священнослужитель одной изъ мѣстныхъ церквей христіанскаго исповѣданія по назначенію подлежащаго духовнаго начальства, а въ мѣстностяхъ, гдѣ населеніе различнаго исповѣданія, въ составъ попечительства входятъ духовныя особы и другихъ вѣроисповѣданій по назначенію подлежащихъ ихъ начальствъ. Должность председателя городского участковаго попечительства замѣщается по выбору уѣзднаго попечительства. Должности членовъ участковыхъ попечительствъ какъ сельскихъ, такъ и городскихъ должны имѣть характеръ *почетныхъ*, не дающихъ занимающимъ таковыя лица права на какое бы то ни было *вознагражденіе*. Должности секретаря и казначея могутъ быть и платными. Кромѣ перечисленныхъ лицъ, въ составъ какъ сельскихъ, такъ и городскихъ участковыхъ попечительствъ могутъ входить, съ правомъ совѣщательнаго голоса, *члены—сотрудники* обоихъ половъ, въ неограниченномъ числѣ, избираемые изъ мѣстныхъ жителей и вносящіе въ кассу попечительства не менѣе 10 р. въ годъ, или единовременно 100 р., или же безвозмездно принявшіе на себя исполненіе порученій попечительства по дѣламъ призрѣнія.

Какъ *сельскія*, такъ и *городскія участковыя попечительства* о бѣдныхъ, распространяя свою дѣятельность на всѣхъ нуждающихся жителей (безъ различія состояній и вѣроисповѣданій) даннаго участка *имѣютъ свою обязанность*: 1) обнаруженіе лицъ, дѣйствительно нуждающихся въ пособіи отъ правительства; 2) удостовѣреніе въ дѣйствительности нужды лицъ, обращающихся къ попечительству съ просьбами о вспоможеніи; 3) веденіе списковъ нуждающихся въ предѣлахъ участка; 4) разсмотрѣніе ходатайствъ просителей и постановленіе мотивированныхъ опредѣленій объ удовлетвореніи таковыхъ, или отказъ въ просимой помощи; 5) приобрѣтеніе и раздача бѣднымъ необходимыхъ жизненныхъ припасовъ и распредѣленіе между ними суммъ, имѣющихся въ распоряженіи попечительства; 6) доставленіе бѣднымъ врачебной помощи на дому; 7) составленіе смѣтныхъ предположеній, для представленія въ уѣздное попечительство, о необходимыхъ расходахъ на призрѣніе бѣдныхъ въ участкѣ; наконецъ, 8) забота о томъ, чтобы пристроить спротивъ и дѣтей, брошенныхъ родителями на произволъ судьбы, а равно и дѣтей лицъ, не имѣющихъ возможности ихъ кормить и воспитывать, попеченіе о престарѣлыхъ, неизлѣчимо-больныхъ, увѣчныхъ, душевно-больныхъ и т. п., заключающееся въ способствованіи помѣщенію ихъ въ соотвѣтственныхъ богоугодныхъ заведеніяхъ.

Уѣздное попечительство распространяетъ свои дѣйствія на городъ и уѣздъ. Председателемъ его состоитъ председатель уѣзднаго *земскаго* собранія, а въ отсутствіе его—председатель земской уѣздной управы, при отсутствіи же и этого *земца*—городской голова. Дальнѣйшій составъ уѣзднаго попечительства образуется изъ слѣдующихъ лицъ: двухъ членовъ земской и городской управъ, по одному отъ каждой, двухъ гласныхъ отъ уѣзда и двухъ отъ города, по выбору земскаго собранія и думы; священнослужителя по назначенію епархіальнаго вѣдомства; врача, по приглашенію председателя попечительства, изъ числа уѣздныхъ городскихъ, или санитарныхъ врачей; уѣзднаго исправника и полиціймейстера, гдѣ эта должность установлена. Председатели участковыхъ какъ сельскихъ, такъ и городскихъ попечительствъ могутъ присутствовать въ засѣданіяхъ уѣздныхъ попечительствъ съ правомъ совѣщательнаго голоса. Правила, предположенныя относительно порядка замѣщенія должностей секретаря и казначея участковыхъ попечительствъ, должны будутъ имѣть примѣненіе и къ уѣзднымъ попечительствамъ. Проектируемое уѣздное попечительство должно *руководить устройствомъ и веденіемъ дѣла призрѣнія въ предѣлахъ уѣзда и заведывать уѣздными учрежденіями призрѣнія*.

Третью и последнюю степень мѣстныхъ благотворительныхъ учреждений должно образовать собою *губернское попечительство*. При ближайшемъ обсужденіи вопроса о личномъ составѣ такого попечительства, большинство подкоммиссіи нашло, что въ него *должны войти тѣ же лица, которыя по закону образуютъ составъ губернской земской управы*, съ присовокупленіемъ къ нимъ: городского головы губернскаго города; духовной особы, по назначенію мѣстнаго архіерея; председателей уѣздныхъ попечительствъ, въ бытность ихъ въ губернскомъ городѣ. И независимо отъ сего по дѣламъ, касающимся устройства врачебной части учреждений и обученія призрѣваемыхъ, въ засѣданіяхъ губернскаго попечительства присутствуютъ: инспекторъ (директоръ?) народныхъ училищъ и губернскій врачебный инспекторъ. На *обязанности* губернскаго попечительства будутъ, по проекту подкоммиссіи, лежать: 1) общій надзоръ за дѣятельностью всѣхъ органовъ призрѣнія въ губерніи и представленіе *центральному управленію* ежегодныхъ отчетовъ о состояніи въ ней дѣла призрѣнія; 2) составленіе *сметъ расходовъ* по призрѣнію, подлежащихъ покрытію изъ суммъ *губернскихъ доходовъ*; 3) внесеніе на разсмотрѣніе губернскаго земскаго собранія, вмѣстѣ съ своими замѣчаніями, ходатайствъ уѣздныхъ попечительствъ объ отнесеніи части расходовъ на призрѣніе по уѣзднымъ сметамъ на счетъ губернскихъ сборовъ; наконецъ 4) завѣдываніе губернскими заведеніями призрѣнія.

Подкоммиссія, хотя и «признала въ принципѣ необходимымъ объединеніе дѣятельности всѣхъ мѣстныхъ органовъ государственнаго призрѣнія подъ властію одного высшаго *центрального управленія*, надзору и руководству котораго должна быть равнымъ образомъ подчинена и совокупная дѣятельность всѣхъ частныхъ благотворительныхъ обществъ и учреждений», но положила «не входить въ настоящее время въ ближайшее соображеніе о томъ, какое устройство должно получить означенное центральное установленіе при сосредоточеніи въ немъ завѣдыванія дѣломъ призрѣнія во всѣхъ его частностяхъ» (Докладъ стр. 2, а организація участковыхъ, уѣздныхъ и губернскихъ попечительствъ изложена, главнымъ образомъ, на стр. 8—14 и 30—35). Въ самой слабой степени подкоммиссія коснулась также «округа», какъ высшей мѣстной единицы, обнимающей собою нѣсколько губерній: о такой единицѣ общественнаго призрѣнія она упоминаетъ въ своемъ докладѣ только два раза: на стр. 18 и 27.

Итакъ, по проекту подкоммиссіи, предполагается образовать пять видовъ попечительствъ о призрѣніи бѣдныхъ: участковыя, уѣздныя, губернскія, областныя и имперское. Последніе два оставлены подкоммиссіею не надлежаще очерченными. Профессоръ В. И. Герье тоже не много говоритъ о нихъ. Свою записку онъ закончилъ такими словами: «Органы общественнаго призрѣнія конечно подлежатъ наравнѣ съ другими земскими и городскими учреждениями административному контролю Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, которое, кромѣ того, будетъ разрѣшать пререканія между органами призрѣнія различныхъ губерній и, путемъ *инструкцій*, истолковывать и развивать Положеніе объ общественномъ призрѣніи. Но эта административная дѣятельность не въ состояніи содѣйствовать ни успѣшному привлеченію мѣстныхъ силъ и добровольныхъ пожертвованій, ни *нравственному подъему дѣятелей*, или же матеріальному увеличенію средствъ мѣстныхъ попечительствъ. Такой результатъ могъ бы быть по условіямъ русской жизни успѣшнѣе достигнутъ учрежденіемъ особаго центрального попечительства (или общаго совѣта благотворительныхъ вѣдомствъ и учреждений), которое по своему положенію было бы въ состояніи вліять на общественное мнѣніе, пробуждать интересъ общества къ дѣлу

призрѣнія и быть руководителемъ общественныхъ и частныхъ благотворительныхъ учреждений, хотя и не въ порядкѣ іерархическаго подчиненія ихъ. А по аналогіи съ другими благотворительными вѣдомствами и согласно съ русскою традиціей было бы цѣлесообразно и желательно, чтобы это центральное попечительство состояло подъ высокимъ покровительствомъ» (Записка члена Коммиссіи подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Грота, В. И. Герье, стр. 109 и 110).

Мнѣніе и работы
члена Коммиссіи, про-
фессора В. И. Герье.

«Для приведенія въ исполненіе законовъ о призрѣніи на мѣстахъ», говорится въ ст. 2-й въ ряду дополнительныхъ (IV, А) статей, «вносимыхъ на уваженіе Государственнаго Совѣта Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, а равно для принятія непосредственныхъ мѣръ помощи, уѣздныя земскія собранія и городскія думы учреждаютъ, въ качествѣ мѣстныхъ органовъ призрѣнія, участковыя попечительства по призрѣнію или участковыхъ попечителей. Раздѣляя для сего уѣздъ и городъ на территоріальныя участки, земскія собранія относительно размѣровъ уѣздныхъ участковъ, а городскія думы — городскихъ, *руководствуются тѣмъ соображеніемъ, чтобы дѣятели участковыхъ попечительствъ могли лично знать всѣхъ нуждающихся и лично изслѣдовать всѣ ихъ нужды*».

Очевидно, попытка подкоммиссіи сдѣлать волость участковымъ попечительствомъ, сохранивъ церковный приходъ съ приходскимъ попечительствомъ въ неприкосновенности, и такимъ образомъ подготовить возникновеніе у насъ чего-то похожего если не на англійскій приходъ, то на лютеранскія попечительства, существующія въ Прибалтійскомъ краѣ, оказалась безрезультатною. Восторжествовала теорія, развитая въ запискѣ профессора Герье «Объ историческомъ развитіи способовъ призрѣнія въ иностранныхъ государствахъ и о теоретическихъ началахъ правильной его постановки». Эта записка — двѣ блистательныя лекціи, не чуждыя парадоксовъ и неожиданныхъ выводовъ. Названа она «Введеніемъ къ проекту Положенія о попечительствахъ общественнаго призрѣнія». Въ ней авторъ, прежде всего, указавъ на три формы благотворительности: милостыню, богадѣльню и попечительство о бѣдныхъ, и показавъ недостатки первыхъ двухъ, выясняетъ превосходство предъ ними послѣдней. «Попечительство, говоритъ онъ, принимаетъ болѣе широкія и сложныя формы, чѣмъ прежняя благотворительность. Въ отличіе отъ милостыни оно оказываетъ не минутную помощь, а старается исцѣлить нужду въ корнѣ; въ отличіе отъ богадѣльни оно помогаетъ не только одинокимъ и безпризорнымъ цѣною вступленія въ закрытыя заведенія съ однообразною жизнью и строгою дисциплиной, но помогаетъ также и на дому, не отрывая отъ жизни, не нарушая семейной связи. Мало того, оно имѣетъ возможность оказывать помощь не тогда только, когда уже наступила нищета, а предохранить отъ разоренія, поддержать человѣка, или семью, пораженныхъ недугомъ или невзгодою, выручить ихъ въ бѣдѣ, содержать во время болѣзни, доставить заработокъ, снабдить всѣмъ необходимымъ, чтобы возобновить самостоятельную жизнь. Поставляя себѣ такія цѣли, попечительство можетъ внести въ благотвореніе новый, не примѣнявшійся прежде, плодотворный принципъ *индивидуализаціи*, т. е. сообразовать способъ и размѣръ помощи съ свойствами и потребностями лица вспомошествоваемаго, можетъ наблюдать за тѣмъ, какъ принята помощь, какія она имѣла послѣдствія, какое вліяніе, — однимъ словомъ, оно можетъ имѣть *воспитывающее* значеніе, какого не могли имѣть прежнія формы. Такимъ образомъ въ отличіе отъ милостыни, иногда развращающей просителя, попечительство оказываетъ двойное благотвореніе: матеріальное и нравственное» (стр. 2 и 3). Показавъ затѣмъ, какъ въ

Западной Европѣ милостыня, вызываемая христіанствомъ, плодила нищихъ, скопившихся иногда въ разбойническія шайки, профессоръ Герье выясняетъ, почему почти во всѣхъ государствахъ Западной Европы короли и вольные города почти одновременно вынуждены были издавать законы и принимать мѣры противъ нищенства, а потомъ излагаетъ въ частности исторію борьбы и виды этой борьбы государства и общества съ усилившимся зломъ въ Англіи, Франціи и Германскихъ государствахъ, опредѣляя попутно достоинства и недостатки правительственныхъ и общественныхъ мѣропріятій противъ нищенства. На основаніи такого историческаго матеріала, профессоръ во второй своей лекціи, озаглавленной «Теоретическая сторона вопроса», излагаетъ теорію попечительства, по которой правительству можетъ и должно принадлежать право законодательства въ разсматриваемомъ вопросѣ, а общественному управленію, общинамъ и частнымъ лицамъ—обязанность и право осуществлять, въ предѣлахъ закона, общественное призрѣніе въ формахъ, выработанныхъ жизнью Западной Европы. Въ заключеніе онъ дѣлаетъ краткій историческій обзоръ призрѣнія въ Россіи, показывая, что и Русское государство шло тѣмъ же путемъ въ дѣлѣ призрѣнія, какъ и Европа, особенно съ Петра Великаго. Но при Петрѣ I-мъ и его преемникахъ до Екатерины Великой, т. е., до учрежденія Приказовъ общественнаго призрѣнія, указы о разборѣ нищихъ, о работныхъ домахъ и т. д. не имѣли никакой силы. Съ учрежденіемъ Приказовъ они могли бы сдѣлать дѣло, такъ какъ Екатерина Великая, отпустивъ каждому Приказу, при его открытіи, по 15.000 р. изъ казны, дала и право принимать пожертвованія и вклады и выдавать эти деньги заимообразно за указанные проценты, подъ залогъ имѣній, — однимъ словомъ предоставила имъ выгодное и обеспеченное производство кредитныхъ операцій подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ; но Приказы не выполнили въ надлежащей мѣрѣ возложенныхъ на нихъ задачъ. Возложенныя на земство и города, эти задачи тоже остались не выполненными. Что же теперь дѣлать? Профессоръ Герье отвѣчаетъ на этотъ вопросъ на послѣднихъ страницахъ своей записки (107 — 110), которыя здѣсь не воспроизводятся въ виду того, что проектируемая имъ организація общественнаго призрѣнія по внѣшнему своему устройству все та же, что и въ проектѣ подкоммиссіи, за исключеніемъ величины участка; въ ней только духъ долженъ быть другой, по его теоріи, т. е. не правительственный, а общественный, и въ основу дѣятельности попечителей должны быть положены новыя *начала*, выработанныя и принятыя въ Германіи: нужно въ города и села Россіи перенести тотъ *типъ попечительства*, который теперь господствуетъ въ Германіи и «является плодомъ высокой культуры XIX вѣка и вѣнцомъ вѣковаго развитія человѣческой благотворительности». Это — система благотворительности, явившаяся первоначально въ Гамбургѣ, гдѣ политико-экономъ Бюшъ и купецъ Фохтъ, «создавъ цѣлую организацію общественнаго призрѣнія, *открыли* и во всякомъ случаѣ *впервые* плодотворно осуществили основной принципъ рациональнаго призрѣнія нашего времени — *индивидуализацію* призрѣнія. Эта индивидуализація, объясняетъ профессоръ Герье, имѣетъ двойное значеніе: во 1-хъ то, что ближайшее попеченіе о каждомъ бѣдномъ поручается отдѣльному лицу, которое можетъ и желаетъ внести въ дѣло личное участіе, личный трудъ и личное наблюденіе; во 2-хъ, попеченіе носитъ личный характеръ по отношенію къ призрѣваемымъ; имъ оказывается помощь сообразно ихъ личному положенію, личнымъ свойствамъ и потребностямъ. Для осуществленія этого принципа необходимо большое число специальныхъ дѣятелей—попечителей. Руководясь этими соображеніями, гамбургскіе филантропы организовали въ своемъ

городъ ту систему призрѣнія, которая впоследствии стала известна подъ названіемъ Эльберфельдской» (стр. 51), какъ она и названа въ представленіи Министра Внутреннихъ Дѣлъ Государственному Совѣту. Не излишнимъ находимъ передать здѣсь словами профессора Герье короткую исторію системы благотворительности, возникшей въ Эльберфельдѣ въ послѣдніе годы XVIII вѣка.

«Гамбургская система, говоритъ онъ, во время своего процвѣтанія послужила образцомъ для нѣсколькихъ городовъ, и въ ихъ числѣ былъ незначительный тогда по своему населенію (12 т.) *фабричный городокъ* Эльберфельдъ въ прирейнской Пруссіи. Благотворительность въ немъ производилась *черезъ* посредство *церковныхъ* старшинъ при *четырехъ* *приходахъ* и путемъ щедрой *милостыни*, которую *жители подавали нищимъ* изъ оконъ своихъ домовъ. Но число профессиональных нищихъ и бродягъ разрослось до такой степени, что грозило безопасности жителей и служило въ ихъ глазахъ *позоромъ* для города. Изъ тяготившаго ихъ положенія жители нашли выходъ въ организаціи общаго *гражданскаго призрѣнія*, получившаго 11 февраля 1800 года правительственное утвержденіе. Шесть гражданъ составили изъ себя «управленіе» (совѣтъ) общаго попечительства о бѣдныхъ и взяли на себя *разслѣдованіе нужды* просящихъ помощи, *сборъ* добровольныхъ пожертвованій, *выдачу* пособій и *наблюденіе* надъ призрѣваемыми. Дѣлопроизводство, наприм., схема *опросныхъ листовъ* и система *пособій по особому тарифу*, было заимствовано у Гамбурга. Какъ въ Гамбургѣ, такъ и въ Эльберфельдѣ оказался дефицитъ, и пришлось неоднократно *прибѣгать къ пособію отъ города*. Въ 1843 году городская дума постановила, по предложенію попечительства, покрывать расходъ на призрѣніе бѣдныхъ *изъ городскихъ налоговъ, и призрѣніе* такимъ образомъ изъ частнаго и добровольнаго *стало городскимъ*. Городъ разрастался, и число попечителей должно было увеличиться. Наконецъ въ 1853 г. былъ сдѣланъ послѣдній шагъ на пути индивидуализаціи, и была введена дѣйствующая нынѣ система, съ *сотрудниками* попечителямъ. Каждому участковому попечителю предоставлено право оказывать немедленно пособіе *въ неотложныхъ случаяхъ*. Объ остальныхъ онъ докладываетъ *собранію* попечителей своего округа, округъ же состоитъ изъ 14 попечителей, которые собираются каждыя 2 недѣли. *Никакое пособіе не выдается* иначе, какъ на 2-хъ-недѣльный срокъ. Попечитель *обязанъ посѣщать* призрѣваемыхъ не рѣже одного раза въ 2 недѣли и обязанъ лично выдавать имъ назначенное пособіе. Во главѣ всей организаціи стоитъ *комитетъ*, состоящій изъ председателя, 4 гласныхъ и 4 гражданъ. Въ 1885 году на 106.492 жителей въ Эльберфельдѣ, въ 26 округахъ, состояло 364 попечителя, на каждаго изъ которыхъ приходилось среднимъ числомъ 2,14 призрѣваемыхъ. Какъ число бѣдныхъ, такъ и расходы на нихъ упали благодаря новой организаціи. «Какъ видно изъ ея исторіи, заканчиваетъ профессоръ, стремленіе къ рациональной систематической организаціи призрѣнія *исходило изъ среды самихъ гражданъ*, движеніе шло *снизу* на встрѣчу правительственнымъ мѣрамъ и *предупреждала ихъ*» (стр. 53, 54). Послѣднія слова почтеннаго профессора весьма цѣнны при разрѣшеніи вопроса о введеніи въ Россію Эльберфельдской системы призрѣнія бѣдныхъ. Для того, чтобы ввести ее у насъ, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ и находитъ въ вышеприведенной 2-й статьѣ IV, А своего проекта необходимымъ, чтобы уѣздныя земства и города подѣлили всю земскую Россію на такія мелкія единицы, какъ небольшой православный приходъ, гдѣ каждый знаетъ въ лицо прихожанъ своей церкви, почему и желаетъ узаконить, «чтобы дѣятели участковыхъ попечительствъ могли лично знать всѣхъ нуждающихся и лично изслѣдовать всѣ ихъ нужды».

Прежде чѣмъ пересадить на русскую почву Эльберфельдскую систему попеченія о нищихъ, повидимому, слѣдовало бы обратить самое строгое вниманіе на то, что эта система выросла на нѣмецкой, протестантской, фабричной и городской почвѣ. Германія, какъ и вообще Западная Европа, страна городовъ, тогда какъ Россія по преимуществу — страна деревень и селъ. Россія была и есть государство по преимуществу земледѣльческое, крестьянское: крестьяне, по словамъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, составляютъ болѣе 82% всего населенія (Предст. стр. 139), и большинство нашихъ городовъ только присутствіемъ въ нихъ уѣздныхъ властей и учреждений отличается отъ нашихъ селъ. Было бы понятно водворить Эльберфельдскую систему въ фабричные наши города и мѣстности, а еще лучше заставить силою власти государственной фабрики и заводы, съ окружающимъ и находящимся подъ ихъ вліяніемъ народонаселеніемъ, устроить для него попечительства о бѣдныхъ, оставивъ въ покоѣ земледѣльческую деревенскую Русь. Непонятно, зачѣмъ сельскій приходъ, въ тысячу—двѣ души, раскинутый иногда на десятокъ квадр. верстъ, разрывать на участки по благотворенію, чтобы выполнить требованіе вводимой системы попеченія о нищихъ, когда православный приходъ не есть только, какъ въ протестантствѣ, общество вѣрующихъ, которое, безъ вреда для него, можно разсѣчь на сколько угодно частей, *а живой организмъ*. Нашъ приходъ не есть «только церковно-административная, какъ выражается подкоммиссія, единица Духовнаго Вѣдомства» (Докл. стр. 6). Духовное Вѣдомство есть государственное учрежденіе, а не Церковь: Православная Церковь существовала, когда не было еще Духовнаго Вѣдомства, учрежденнаго для того, чтобы въ самодержавномъ государствѣ охранять матеріальные и правовые интересы Православной Церкви, какъ Церкви господствующей, ненаружимыми со стороны церквей и религіозныхъ обществъ, допущенныхъ въ Имперію, а равно и со стороны тѣхъ обществъ и учреждений, которыя хотя, по спеціальнымъ задачамъ другихъ вѣдомствъ Имперіи, и представляются желательными, но не находятся въ согласіи съ задачами, которыя выполняетъ Православная Церковь, какъ по своей природѣ, такъ особенно по исторически сложившемуся ея призванію въ строеніи и судьбахъ Россійскаго государства. Приходъ у насъ есть не вѣдомственная, не государственная, а церковная единица управленія и, какъ таковая, составляетъ основную ячейку церковной жизни православной Россіи. Уничтожать, раздавливать эту ячейку, значило бы постепенно ослаблять отправление того организма, который состоитъ изъ этихъ ячеекъ, т. е., постепенно уничтожать православіе на Руси. Въ протестантствѣ нѣтъ церкви, потому что нѣтъ священства и епископства; это — общества христіанъ, вѣѣ Церкви себя поставившія и понимающія христіанство не по преданіямъ Церкви вселенской, которыя они отвергли вмѣстѣ съ священствомъ, а потому каждое изъ сихъ обществъ устроило свою организацію по своему разуму. Въ Гамбургѣ ученый политико-экономъ и богатый купецъ «открыли» и водворили новую систему человеколюбія, замѣнивъ ею христіанскую милостыню. Ихъ примѣру послѣдовалъ и Эльберфельдъ. Это квази-научная нравственность богачей, т. е. фабрикантовъ и купцовъ, защищающихъ свою наживу отъ обездоленныхъ ими же рабочихъ, а не та нравственность, которую завѣщаль Своей Церкви Христосъ въ словахъ, которыми начата записка профессора Герье (Марк. XVI, 5). Къ концу этой записки прямо говорится, что «Эльберфельдская система возникла изъ самообороны гражданъ» (стр. 85), а не изъ человеколюбія и милосердія, не изъ христіанства.

Напрасно почтенный профессоръ связываетъ, какъ и принято въ подобныхъ сочиненіяхъ, развитіе нищенства съ христіанствомъ. «Всегда

нищія имате съ собою», сказалъ Спаситель. Они были и до Христа, и всегда будутъ, пока будетъ существовать ближайшая причина нищеты, т. е. неравенство состояній и имуществъ, простирающееся отъ бездомной нищеты до людей *неправедно богатящихся*: если бы возможно было, по условіямъ гражданскаго быта, ослабить дѣйствіе этой причины, то и вопроса о нищихъ не было бы, такъ какъ одна Православная Церковь приходскою благотворительностью (если церковный приходъ освободить отъ угнетающихъ его наростовъ, въ послѣдніе два вѣка легшихъ на него) въ состояніи будетъ не только призрѣвать своихъ нищихъ и безпомощныхъ отъ сиротства, старости и вообще неспособности къ труду, но являться съ помощію къ бѣднымъ, впавшимъ въ несчастіе не по своей винѣ. Нищенство, какъ злоупотребленіе благотворительностью, дѣло государства, а не Церкви, и комитеты для разбора нищихъ могутъ справиться съ нимъ, если захотятъ. Теперь въ Россіи, по сравненію съ прежними вѣками, нищихъ мало: съ этимъ не согласится только тотъ, кто, не зная, какъ слѣдуетъ, прошедшаго тяжелаго внутренняго строенія Русскаго государства, или не принявъ его во вниманіе, будетъ судить о числѣ нищихъ по сомнительной, даже оффиціальной, статистикѣ, или по наблюденію надъ ними въ городахъ Россіи, особенно большихъ, возлѣ монастырей, привлекающихъ богомольцевъ своею святынею, и т. п.; тѣ же, которые путешествовали не по желѣзнымъ только дорогамъ и не на пароходахъ, а входили въ соприкосновеніе съ жизнью населенныхъ мѣстъ внѣ городовъ, притомъ частое, въ разныхъ мѣстахъ Россіи и въ продолжительный періодъ (лѣтъ 30—40) времени, исторію же жизни русскаго народа знаютъ по письменнымъ памятникамъ старины, не усомнятся утверждать не только то, что нищихъ и безпомощныхъ теперь меньше, чѣмъ было у насъ встарину, но и то, что въ послѣднее время съ каждымъ десятилѣтіемъ число нищихъ и нищенствующихъ въ селахъ и деревняхъ замѣтно уменьшается. Много у насъ въ деревняхъ бѣдныхъ, но это не нищіе, нуждающіеся въ призрѣніи; нищими они становятся въ неурожай и другіе годыны испытанія, стихіями производимыя. Но въ этихъ случаяхъ гамбургская система не поможетъ: въ этихъ случаяхъ нужна немедленная помощь пострадавшимъ или деньгами, или предоставленіемъ имъ заработка: обѣднѣвшій хозяинъ стыдится протягивать руку за подаченіемъ, какъ нищій.

Если уже нужно вводить у насъ Эльберфельдскую систему, то только въ большихъ городахъ и въ видѣ опыта. Въ большихъ центрахъ народонаселенія можно найти лицъ, которые примутъ на себя попечительство или по присущему имъ христіанскому чувству, или по филантропическимъ понятіямъ. Возражая противъ правительственнаго призрѣнія, профессоръ Герье, между прочимъ, говоритъ: «не изъ однихъ практическихъ соображеній надлежитъ государству предоставить призрѣніе общинамъ, какъ на прим., завѣдываніе мощеніемъ улицъ, освѣщеніемъ города, торговой полиціей и т. д.; въ этихъ случаяхъ для дѣла можетъ быть и безразлично, кто будетъ имъ завѣдывать, мѣстная ли управа, или чиновники министерствъ Путей Сообщенія и Финансовъ. Въ дѣлѣ же призрѣнія это ни въ какомъ случаѣ не безразлично; предоставленіе призрѣнія общинамъ и органамъ мѣстнаго управленія обусловливается не практическими только мотивами, которые всѣ имѣютъ болѣе или менѣе случайный характеръ, а *существомъ* дѣла. Зачатки призрѣнія голодающихъ, одряхлѣвшихъ, осиротѣвшихъ, древнѣе всякаго государства и заботъ его о нуждающихся людяхъ: корни его углубляются въ область, не подлежащую вѣдѣнію государства, и идеалы его выше государственныхъ предѣловъ» (Зап. стр. 81—82). Если такъ,—а это несомнѣнно такъ,—то было бы, кажется, послѣдовательнымъ поручить

это дѣло Церкви, организовать церковный приходъ такъ, чтобы онъ удовлетворялъ задачамъ призрѣнія одряхлѣвшихъ, осиротѣвшихъ и т. п., какъ и было встарину у насъ и какъ теперь отчасти дѣлается въ крестьянствѣ; попеченіе же объ умалишенныхъ, слѣпыхъ, требующихъ особеннаго лѣченія больныхъ и т. п. поручить, какъ и теперь, земствамъ, или городамъ, или особому государственному учрежденію, въ виду того, что приходъ въ такомъ призрѣніи всегда будетъ безсиленъ. Но профессоръ Герье, признавая за типъ благотворительности Эльберфельдскую систему, оставляетъ въ сторонѣ приходъ и не находитъ послѣдовательнымъ вводить ее только въ большихъ фабричныхъ городахъ, а находитъ нужнымъ водворить ее вездѣ—во всѣхъ земскихъ и неземскихъ губерніяхъ не только въ городахъ, но въ деревняхъ и селлахъ. Это и понятно: иначе и нельзя въ Россіи ввести этой системы. Если ввести ее только въ большихъ городахъ, то не только нищенствующие, но и настоящіе нищіе уйдутъ въ меньшіе города, какъ и было на Западѣ: когда ввели въ Гамбургѣ индивидуализацію въ призрѣніи, меньшіе города наполнились профессиональными нищими и бродягами, гдѣ по необходимости, въ видахъ самообороны, нужно было вводить и усовершенствовать гамбургскую систему. Хотя у насъ, слава Богу, нѣтъ нужды въ самозащитѣ противъ нищихъ, однако Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, признавъ Эльберфельдскую систему за лучший способъ призрѣнія, предусмотрительно поручаетъ руководить этимъ дѣломъ не городской думѣ, а губернскому земскому собранію: въ уѣздахъ, куда могутъ ускользнуть нищенствующие и нищіе отъ примѣненія вводимой системы благотворенія, городскія думы не властны.

Циркуляръ бюро Коммиссіи по призрѣнію бѣдныхъ отъ 30 марта 1895 г. № 84. Собранные губернскими земскими и городскими управъ, вызванные этимъ циркуляромъ. Положеніе о приходскихъ попечительствахъ при православныхъ церквахъ, Высочайше утвержденное 2 августа 1864 г., и объясненіе этого закона печатью славянофиловъ въ 1867 и 1868 годахъ. Ошибка этого объясненія и значеніе этихъ объясненій для земствъ.

Въ мартѣ 1895 года бюро особой правительственной Коммиссіи подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Грота, по рѣшенію Коммиссіи, составило 12 «основныхъ вопросовъ общественнаго призрѣнія» и, приложивъ къ нимъ: 1) докладъ подкоммиссіи по общимъ вопросамъ организаціи призрѣнія бѣдныхъ, 2) записку о немъ профессора В. И. Герье и 3) составленный послѣднимъ проектъ «Дополненій къ своду учреждений и уставовъ объ общественномъ призрѣніи» съ предпосланнымъ ему «объяснительнымъ введеніемъ», разослало ихъ во всѣ губернскія земскія управы съ просьбою, по ознакомленіи съ ними, если то окажется возможнымъ, совмѣстно съ предсѣдателями уѣздныхъ земскихъ управъ, «высказаться по предлагаемымъ имъ основнымъ вопросамъ общественнаго призрѣнія, имѣя при этомъ въ виду не только тѣ формы практическаго разрѣшенія ихъ, которыя намѣчены въ упомянутыхъ выше проектахъ и въ настоящемъ циркулярѣ (это препроводительная бумага на 8 печатныхъ страницахъ), но и другія, соотвѣтствующія мѣстнымъ условіямъ». Въ этомъ циркулярѣ бюро, который можно назвать объяснительною запискою къ 12 вопросамъ, есть прямое указаніе на приходъ, съ критическимъ отношеніемъ къ закону 2 августа 1864 года, какъ на единицу, имѣющую составить участокъ попечительства о бѣдныхъ. Потому, можетъ быть, губернскія земскія управы, высказавшись единогласно объ учрежденіи мѣстныхъ попечительствъ, останавливались, при разсужденіи о типѣ этихъ мелкихъ органовъ, главнымъ образомъ, на приходскихъ попечительствахъ. «Одни земства, говорится въ представленіи Министра Государственному Совѣту, высказались за *приходскія* попечительства съ измѣненіемъ ихъ организаціи, другія находили ихъ несоотвѣтственными мѣстнымъ условіямъ и предпочитали имъ попечительства *сельскія*, третьи отстаивали *волостныя* попечительства и т. д.» (стр. 204). А потому Министръ Внутреннихъ Дѣлъ и рѣшилъ, отдавая на волю земствъ и городовъ раздѣленіе уѣзда и города на участки, узаконить только,

чтобы эти участки были такихъ размѣровъ, которые давали бы участковымъ попечителямъ возможность лично знать всѣхъ нуждающихся и лично изслѣдовать ихъ нужды. Изъ всѣхъ соображеній губернскихъ земствъ слѣдуетъ остановиться на одномъ соображеніи, именно—на мнѣніи предсѣдателя Черниговской губернской земской управы, чтобы выяснить, что можетъ угрожать нашему приходу, если предложенная въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ реформа общественнаго призрѣнія осуществится.

«Для завѣдыванія дѣломъ призрѣнія въ селахъ, пишетъ почтенный предсѣдатель Черниговской губернской земской управы, *нѣтъ необходимости учреждать новые органы*: Высочайше утвержденное 2 августа 1864 года Положеніе создало уже такіе органы, въ видѣ церковно-приходскихъ попечительствъ. Казалось бы, что эти *всесловныя* учрежденія, съ небольшимъ райономъ дѣятельности, *съ правомъ* назначать *сборы* и *контролировать* употребленіе ихъ, должны быть живыми органами сельской благотворительности, и можно было бы ожидать замѣтныхъ результатовъ отъ ихъ 25-ти-лѣтней дѣятельности. Мы знаемъ, что и *епархіальныя начальства* неоднократно *поощряли* такую дѣятельность. Но, къ сожалѣнію, на дѣлѣ выходитъ совсѣмъ не то,—и попечительства, которыя *номинально* существуютъ *при весьма многихъ церквахъ*, въ огромномъ большинствѣ случаевъ почти ничѣмъ не проявляютъ своего *существованія*. Дѣятельность ихъ, если только ее можно назвать этимъ словомъ, сводится къ тому, что при церкви учреждаются особые сборы въ кружки попечительства; но сборы эти весьма скудны и обыкновенно идутъ или на пособіе причту, или на необходимыя нужды церкви. Мнѣ весьма мало извѣстно примѣровъ, чтобы попечительство проявляло свои заботы о какихъ-либо другихъ нуждахъ села, напр. *о школь*. А о томъ, чтобы со стороны попечительствъ было организовано что бы то ни было для пособія сиротамъ, увѣчнымъ и больнымъ, мнѣ вовсе не приходилось слышать (само собою разумѣется, что я говорю только о своей губерніи). Понятно, что, при такомъ положеніи дѣла, эти учрежденія являются почти не достигающими своей цѣли,—и населеніе прихода, не видя никакой пользы отъ попечительствъ, видитъ въ нихъ только *лишній, облагающій* его органъ. Въ чемъ же причины такой мертвенности нашихъ церковно-приходскихъ попечительствъ? Такихъ причинъ можно указать весьма много. Однѣ изъ нихъ, такъ сказать, бытовыя, но я и не буду касаться ихъ: онѣ созданы *вѣками*; онѣ и могутъ быть если не устранены, то ослаблены жизнью нѣсколькихъ поколѣній. Я укажу только на тѣ стороны дѣла, которыя поддаются измѣненію и при настоящихъ общихъ условіяхъ. Почти во всѣхъ церковно-приходскихъ попечительствахъ преобладающее, если не исключительное, значеніе имѣетъ священникъ. Лицо это является желательнымъ членомъ такихъ учреждений. Но едва ли всегда желательна преобладающая его роль въ нихъ. Есть не мало священниковъ, поставленныхъ въ весьма тяжелыя матеріальныя условія, которымъ приходится на долю слишкомъ много заботъ о благосостояніи своей семьи и отъ которыхъ нельзя и требовать того, чтобы они отдавали себя и заботамъ о нуждахъ своихъ прихожанъ. Есть не мало и такихъ, которые по своимъ личнымъ свойствамъ не могутъ въ этомъ случаѣ проявить достаточно энергіи и дѣятельности, или проявляютъ ее весьма односторонне. Да если бы дѣятельность попечительствъ и стала значительно развиваться, въ видѣ открытія богадѣленъ, пріютовъ и т. п., то священнику, занятому церковными требами, преподаваніемъ въ школѣ и своимъ хозяйствомъ, физически невозможно было бы нести на себѣ дѣло призрѣнія и благотворительности въ приходѣ.

«Наблюденіе за дѣятельностью церковно-приходскихъ попечительствъ въ настоящее время лежитъ исключительно на духовномъ начальствѣ, и ближайшій надзоръ за ними поручается мѣстнымъ благочиннымъ, т. е. лицамъ, которыя, при ихъ болѣе сложныхъ обязанностяхъ, еще менѣе мѣстныхъ священниковъ имѣютъ возможность отдаваться этому дѣлу».

«Слѣдовательно, нужно организовать составъ попечительства такъ, чтобы болѣе гарантировать разностороннюю и производительную его дѣятельность. Для этого, кромѣ нѣсколькихъ членовъ попечительства изъ прихожанъ *сельскаго состоянія* и *священника*, какъ непремѣннаго члена этого учрежденія, необходимо избрать *членовъ попечительства отъ уезднаго земскаго собранія*, причемъ одинъ такой попечитель могъ бы служить и для *двухъ близкихъ приходовъ*. Затѣмъ необходимо стремиться къ тому, чтобы *попечители отъ земства привлекали къ дѣятельному участию въ дѣлѣ мѣстнаго благотворенія тѣхъ прихожанъ, и не сельскаго состоянія*, которые по своему развитію и наклонностямъ могутъ быть полезны въ этомъ дѣлѣ. Весьма важно сдѣлать членомъ каждаго попечительства и *участковаго земскаго врача*. Ожидать его постоянного участія въ дѣятельности попечительства нельзя. Но его указанія относительно выбора и организаціи способовъ помочь нуждающемуся населенію могутъ иногда приносить огромную пользу».

«Устанавливая такимъ образомъ составъ попечительствъ, необходимо издать для нихъ и *общую инструкцію*, въ которой приблизительно были бы намѣчены направленіе и цѣли дѣятельности по призрѣнію. Инструкція должна, между прочимъ, опредѣлить, какой именно *процентъ изъ благотворительныхъ сборовъ въ приходѣ и пожертвованій можетъ быть отчисляемъ* собственно на нужды церкви и причта, и должна указать формы счетоводства и отчетности для попечительствъ».

«Присоединяясь вполне къ предложенію о томъ, чтобы для *руководства* мѣстными органами призрѣнія и *контроля* надъ ними были образованы *уездныя и губерскія попечительства*, въ которыхъ, для объединенія дѣла и *отсутствія въ ходѣ его двойственности* и всякихъ недоразумѣній, должны участвовать и *представители духовенства*,—я думаю, что, при надлежащемъ отношеніи къ дѣлу этихъ руководящихъ органовъ, дѣло призрѣнія въ селахъ можетъ быстро сдѣлать большіе успѣхи».

«Въ заключеніе считаю нужнымъ указать на то, что приуроченіе дѣла призрѣнія и благотворительности *къ приходу* нельзя считать искусственнымъ. Въ разныхъ странахъ Западной Европы, особенно въ Англіи, гдѣ дѣло призрѣнія организовано весьма хорошо, приходъ именно является единицею, вѣдающею *самымъ лучшимъ образомъ* нужды населенія своего района и помогающею этимъ нуждамъ разными способами. Приходъ и у насъ является исторически сложившеюся *земскою* (?) единицею: еще въ *допетровской Руси* эта единица была *средоточіемъ* разныхъ мѣстныхъ дѣлъ. По отношенію же, въ частности, къ малорусскимъ губерніямъ, нужно сказать, что здѣсь дѣятельность прихода была особенно живою. Еще сто лѣтъ назадъ, когда духовенство здѣшнее было въ большемъ общеніи съ своею паствою, и когда *мѣстное населеніе принимало* въ дѣлахъ Церкви и *въ нуждахъ прихожанъ дѣятельное участіе* (а прихожане не принадлежатъ къ *мѣстному населенію*?), учрежденіе богадѣленъ при церквяхъ было самымъ распространеннымъ явленіемъ. Еще свѣжо преданіе, что такія богадѣльни, или, какъ ихъ называли, *штитали* были при многихъ нашихъ церквяхъ нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и теперь возникновеніе при церквяхъ разныхъ благотворительныхъ учреждений встрѣчено будетъ у насъ населеніемъ сочувственно, какъ явленіе привычное, какъ

возвращеніе къ доброму старому времени, которое во многихъ отношеніяхъ любить вспоминать нашъ народъ. Нѣтъ сомнѣнія также и въ томъ, что разумная постановка вопроса о сельской благотворительности и живое отношеніе къ этому дѣлу мѣстныхъ органовъ, при участіи и *подъ контролемъ всѣхъ прихожанъ* (а выше сказано было: *подъ контролемъ и руководствомъ уѣздныхъ и губернскихъ попечительствъ*), будетъ однимъ изъ лучшихъ средствъ къ нравственному подъему нашего сельскаго населенія, значительно деморализованнаго многими неблагоприятными обстоятельствами, окружавшими его въ послѣднія десятилѣтія» (Сводъ отвѣтовъ земск. и городск. управленій на основные вопросы обществ. призр. стр. 129—133).

Мнѣніе это, здѣсь въ надлежащей цѣлости приведенное, заслуживаетъ особеннаго вниманія потому, что оно составляетъ сущность всѣхъ остальныхъ мнѣній земскихъ управъ, признавшихъ за единицу попечительскаго участка приходъ, хотя и совершенно иначе мотивирующихъ свои мнѣнія: въ соображеніяхъ другихъ губернскихъ управъ видны слѣды соображеній бюро, состоящихъ при нихъ и обыкновенно называемыхъ статистическими, но любящихъ вдаваться въ политико-экономическія и другія соображенія и, иногда не безъ возраженій и критики мнѣній профессора Герье, принимающихъ его проектъ то съ поправками, то безъ поправокъ; почтенный же предсѣдатель Черниговской губернской управы говоритъ какъ истый и дѣловой землецъ, который не ищетъ себѣ поддержки въ научныхъ теоріяхъ, заграничныхъ системахъ призрѣнія и т. п., а высказываетъ то, къ чему стремится земство съ 1864 года: онъ прежде всего дорожитъ Высочайше утвержденнымъ 2 августа 1864 года Положеніемъ о приходскихъ попечительствахъ при православныхъ церквахъ, потомъ старается держаться на исторической почвѣ. А потому, чтобы правильно понять его соображенія, необходимо прежде всего выяснить, изъ-за чего дѣловые земцы такъ дорожатъ закономъ 1864 г. о приходскихъ попечительствахъ.

Законъ 2 августа 1864 г. своею редакціею возбуждаетъ недоразумѣнія и допускаетъ разныя толкованія, какъ можно видѣть изъ слѣдующаго.

а) Во 2-й статьѣ Высочайше утвержденного 2 августа 1864 г. Положенія о приходскихъ попечительствахъ при православныхъ церквахъ, между прочимъ, сказано: «въ попечительствахъ, устроенныхъ въ сельскихъ приходахъ, присутствуютъ, въ качествѣ *непрерывныхъ членовъ, волостные* старшины или головы; если къ одному приходу принадлежатъ крестьяне нѣсколькихъ волостей, то въ попечительствѣ его участвуютъ *все* старшины или головы тѣхъ волостей; если же жители одной волости принадлежатъ къ нѣсколькимъ приходамъ, то *старшина* или голова той волости состоитъ членомъ попечительствъ *всѣхъ* сихъ *приходовъ*». Поэтому въ одномъ приходскомъ попечительствѣ можетъ быть непрерывныхъ членовъ, не принадлежащихъ къ приходу, и 2, и 3, и 4, а не то и больше. Этого мало. Если въ волости, смѣшанной въ вѣроисповѣдномъ отношеніи, старшиною или головою бываетъ иновѣрецъ (въ Таврической губерніи, какъ видно изъ дѣлъ Консисторіи, таковыми иногда состоятъ католики), то, въ силу этого закона, онъ становится непрерывнымъ членомъ попечительства въ православномъ приходѣ. И независимо отъ такого рѣзкаго и рѣдкаго случая, вышеприведенныя слова закона 2 августа 1864 г. возбуждаютъ не мало недоразумѣній. Въ качествѣ чего нужно считать волостнаго старшину, какъ непрерывнаго члена попечительства, въ такомъ приходѣ, къ которому онъ не принадлежитъ—временнымъ ли прихожаниномъ той церкви, при которой состоитъ попечительство, и потому радѣтелемъ ея благоустройства, блага ея причта и т. п., или не прихожаниномъ? Иновѣрца, очевидно, нельзя считать членомъ православнаго прихода, а по-

тому волостного старшину—и православного—нужно считать чужеприходнымъ лицомъ въ попечительствѣ при православной церкви. Зачѣмъ же онъ сдѣланъ непремѣннымъ членомъ органа чужого прихода? Нужно допустить—въ качествѣ представителя власти. Но какой? съ характеромъ ли власти прокурорской, или административной? Той ли, другой ли, во всякомъ случаѣ его присутствіе въ приходскомъ попечительствѣ указываетъ на какую-то связь между этимъ учрежденіемъ и волостью, какъ гражданскимъ, общественнымъ учрежденіемъ.

б) Въ ст. 8 Положенія о попечительствахъ сказано: «приходскія попечительства, составляя *общественныя учрежденія*, пользуются покровительствомъ духовнаго и гражданскаго начальствъ». Исполняя свои обязанности, какъ *органы мѣстныхъ обществъ*, они «обязаны вести дѣла свои съ необходимою гласностію, устраняя всякія излишнія формальности». Прежде изложенія недоразумѣній, возбуждаемыхъ этою статьею, должно сказать, что нигдѣ въ Положеніи о приходскихъ попечительствахъ при православныхъ церквахъ они не называются *церковными*, какъ принято ихъ называть въ печати и въ официальной перепискѣ, очевидно, для краткости (церковно-приходскія попечительства). И въ виду вышеприведенныхъ словъ ст. 8 этого законодательнаго акта, дѣловые земцы называютъ ихъ «общественными учрежденіями» въ томъ же смыслѣ, въ какомъ называются общественными учрежденіями сельскія, волостныя, городскія и земскія учрежденія. Когда имъ возражаютъ, что въ этой же статьѣ приходскія попечительства названы органами мѣстныхъ обществъ, которые, какъ дальше сказано въ той же ст. 8, «по окончаніи года отдаютъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ и въ завѣдываемыхъ ими суммахъ и имуществѣ *общему собранію прихожанъ*»; что очевидно, приходское попечительство есть *органъ мѣстнаго приходскаго общества*, и въ этомъ убѣдиться легко, измѣнивъ только множественное число редакціи ст. 8 на единственное: «Приходское попечительство . . . , какъ органъ мѣстнаго общества, т. е. прихода, предъ общимъ собраніемъ коего оно ежегодно даетъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ и въ завѣдываемыхъ имъ суммахъ и имуществѣ» подобно тому, какъ органъ уѣзднаго земства—управа даетъ отчетъ предъ земскимъ собраніемъ, или органъ городского общества—городская управа даетъ отчетъ городской думѣ и т. п. Нѣтъ, говорятъ дѣловые земцы, понимать такъ ст. 8 Положенія о приходскихъ попечительствахъ не позволяетъ ея редакція. Если сказано: «мѣстныхъ обществъ», то и нужно понимать мѣстныхъ, т. е., *сельскихъ* обществъ. Приходъ, говорятъ они, весьма часто не совпадаетъ съ сельскимъ обществомъ; иногда два, три и болѣе сельскихъ обществъ входятъ въ составъ одного прихода; въ виду такихъ случаевъ и назначенъ непремѣннымъ членомъ приходскаго попечительства волостной старшина—представитель сельскихъ обществъ; а если сельскія общества, составляющія приходъ, принадлежатъ къ двумъ-тремъ волостямъ, то въ немъ должно быть, по закону два-три и болѣе волостныхъ старшинъ, какъ представителей своихъ сельскихъ обществъ. Согласно редакціи закона, говорятъ такіе земцы, приходское попечительство состоитъ только *при* приходской церкви, но есть общественное, а не церковное учрежденіе, пользующееся одинаково покровительствомъ какъ духовнаго, такъ и гражданскаго начальства. Защитники противнаго толкованія ст. 8 Положенія не могутъ согласиться съ толкованіемъ земцевъ, такъ какъ, если признать приходское попечительство общественнымъ (гражданскимъ) учрежденіемъ, то почему же и волостной голова и священникъ, состоящій, по закону, тоже непремѣннымъ его членомъ, должны давать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ предъ общимъ собраніемъ прихожанъ? Неужели же священникъ въ приходѣ только *primus inter pares*, какъ у лютеранъ пасторъ?

с) Не меньше недоразумѣній возбуждаетъ и ст. 15, въ которой сказано, что «въ приходахъ, въ коихъ учрежденіе попечительствъ изъ нѣсколькихъ выборныхъ членовъ оказалось бы непримѣнимымъ къ дѣлу, обязанности попечительства могутъ быть возлагаемы, съ утвержденія епархіальнаго преосвященнаго, на одно *лицо, пользующееся особеннымъ уваженіемъ въ приходѣ*, съ предоставленіемъ ему соотвѣтственныхъ тому правъ и званія приходскаго попечителя». Здѣсь сказано о лицѣ, пользующемся уваженіемъ въ приходѣ, но ни о его вѣроисповѣданіи, ни о мѣстожителствѣ такого уважаемаго человека ничего не сказано, какъ о предметахъ, повидимому, очевидныхъ. Но извѣстны случаи, что прихожане, по желанію священника, какъ и требуетъ эта статья, выбираютъ приходскаго попечителя православнаго и радѣтеля церкви, но живущаго въ другомъ приходѣ, имѣя въ виду ст. 4 Положенія, которою позволяется приглашать «въ засѣданія попечительства, кромѣ ихъ членовъ, и *другихъ лицъ* по своему усмотрѣнію», очевидно и *чужеприходныхъ*, на что имѣется и примѣръ въ непремѣнномъ членѣ попечительства—волостномъ старшинѣ. Но возьмемъ такой случай. Караимъ приобрѣлъ отъ православнаго помѣщика помѣстье (возлѣ Θεодосіи), въ центрѣ котораго стоитъ большое село бывшихъ крѣпостныхъ, большой православный приходъ; церковь разваливается, крестьяне обѣднѣли, бредутъ врозь; новый помѣщикъ, опасаясь запустѣнія своихъ земель, по здравому хозяйственному расчету, отнесся къ крестьянамъ филантропически, построилъ для нихъ каменную прекрасную церковь и такіе же дома для причта. Можетъ ли этотъ караимъ, весьма уважаемый въ приходѣ, или католикъ—полякъ, при такихъ же условіяхъ, быть приходскимъ попечителемъ? Съ точки зрѣнія земцевъ, признающихъ приходскія попечительства учрежденіями общественными, уважаемые прихожанами иновѣрцы могутъ быть приходскими попечителями; епархіальныя же начальства допущеніе этого находятъ опаснымъ какъ для Церкви, такъ и для государства. Но законъ имъ не даетъ права обращаться съ приходскими попечительствами, какъ съ приходами, куда они своею властію присылаютъ священниковъ и другихъ членовъ причта, утверждаютъ и увольняютъ церковныхъ старостъ, судятъ ихъ и т. д.

Короче—законъ 2 августа 1864 года окутанъ такимъ туманомъ недоразумѣній (можетъ быть, только кодификаціоннымъ), что приходскія попечительства для однихъ кажутся настолько самостоятельными общественными учрежденіями *при* православной церкви, что имѣютъ право на недвижимую собственность и, какъ опытъ свидѣтельствуетъ, приобретаютъ оную на свое имя, а не на имя приходской церкви, по актамъ, совершаемымъ нотаріальнымъ порядкомъ; другіе же напротивъ видятъ въ нихъ только исполнительный органъ прихода по хозяйственной части, всецѣло отвѣтственный какъ въ своихъ дѣйствіяхъ, такъ и въ завѣдываемыхъ ими суммахъ и имуществѣ предъ общимъ собраніемъ прихожанъ, а потому и подчиненный духовной консисторіи и архіерею. Между этими крайними, исключаящими другъ друга взглядами, существуютъ еще разновидности ихъ, о которыхъ говорить здѣсь неумѣстно. Достаточно сказать, что при первыхъ опытахъ примѣненія закона 2 августа 1864 г. къ жизни обнаружилось, что отъ этого закона нужно ожидать не «оживленія», какъ печать предсказывала при его изданіи, православнаго прихода, а полного разложенія этой клѣточки церковнаго организма. Можетъ быть потому, что въ появившемся тогда же Положеніи о земскихъ учрежденіяхъ 1864 года на земство возложено было *попеченіе* о построеніи церквей, земцы усмотрѣли связь Положенія, даващаго имъ организацію, съ Положеніемъ о приходскихъ попечительствахъ и, въ видахъ «оживленія прихода»,

становясь приходскими попечителями, начали предъявлять свои права на распоряженіе церковною казною и церковнымъ хозяйствомъ. Прежде всего попечительства добивались права имѣть свою печать для прикладыванія къ денежнымъ ящикамъ и для употребленія при перепискѣ. Дѣло дошло до Святѣйшаго Синода, который, въ указѣ 27 іюля 1867 года за № 31, разъяснилъ, что въ установленіи для приходскихъ попечительствъ особыхъ печатей не представляется ни основаній, ни надобности, такъ какъ попечительства сии, «состоя изъ священнослужителей и церковнаго старосты, вмѣстѣ съ избранными общимъ собраніемъ прихожанъ свѣтскими членами ни по цѣли, ни по составу своему не имѣютъ значенія самостоятельныхъ, т. е. особыхъ отъ прихода или приходской церкви, установленій, и что посему для обезпеченія цѣлости принадлежащихъ имъ суммъ могутъ быть прилагаемы къ денежнымъ ящикамъ печати предсѣдателей, священнослужителей, церковныхъ старостъ, волостныхъ старшинъ и другихъ членовъ попечительствъ», а при перепискѣ по дѣламъ попечительства, если бы таковая возникла, вопреки возложенной на попечительства статьей 8 Положенія обязанности «устранять всякія излишнія формальности», — частныя печати предсѣдателя или священнослужителей. Рядомъ съ этимъ нѣкоторые изъ попечительствъ начали прибѣгать и къ хозяйничанью въ церквахъ, т. е. учитывать доходы своей приходской церкви, такъ что Черниговское, наприм., епархіальное начальство, принимая во вниманіе, что «иныя попечительства приняли на себя такія обязанности, которыя не предоставлены и общему собранію прихожанъ, какъ наприм., повѣрку отчетностей церковныхъ, а не отчетовъ самого попечительства, какъ сказано въ 13 ст. Положенія, и при томъ за предшествующіе учрежденію попечительствъ годы», вынуждено было разъяснить чрезъ Епархіальныя Вѣдомости, что занятое такими попечительствами положеніе не находится въ согласіи съ 10 ст. дѣйствовавшей тогда Инструкціи церковнымъ старостамъ, 141 ст. Устава дух. консисторій и т. д. Когда же предсѣдатель Спасскаго попечительства, Самарской епархіи, Дмитрій Самаринъ представилъ мѣстному преосвященному годичный отчетъ по попечительству съ просьбою напечатать его въ мѣстныхъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, и послѣднія, выполняя распоряженіе архіерея, отмѣтили, что помѣщаемый отчетъ «представленъ его преосвященству предсѣдателемъ церковно-приходскаго попечительства при *рапортѣ* отъ 2 апрѣля 1867 г. за № 2», то Дмитрій Самаринъ прислалъ въ редакцію заявленіе, что она допустила неточность: онъ представилъ отчетъ не при рапортѣ, а *при письмѣ*, при чемъ объяснилъ, что въ основѣ учрежденія приходскихъ попечительствъ лежитъ идея самоуправленія, самостоятельности приходскихъ обществъ. Законъ признаетъ приходскія попечительства *за учрежденія общественныя, за органы мѣстныхъ приходскихъ обществъ*; поэтому попечительства избираются приходами и имъ отдають отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Въ указанныхъ закономъ предѣлахъ, приходскимъ попечительствамъ предоставлена полная самостоятельность, и только при этомъ условіи можно ожидать благотворныхъ результатовъ отъ этого учрежденія. Слово же *рапортъ* взято изъ совершенно другой сферы понятій: оно выражаетъ отношеніе полной зависимости подчиненнаго къ своему начальнику и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отсутствіе всякой самостоятельности въ дѣйствіяхъ подчиненнаго... «Будучи вполнѣ увѣренъ, что это выраженіе вкралось не отъ чего иного, какъ вслѣдствіе канцелярскаго недосмотра, я, пишетъ Д. Самаринъ, надѣюсь, что вы, г. редакторъ, не откажетесь помѣстить это письмо (оно здѣсь полностью не выписывается) мое въ одномъ изъ ближайшихъ №№ Епархіальныхъ Вѣдомостей». Редакторъ немедля исполнилъ просьбу приходскаго попечителя Д. Самарина, напечаталъ полностью его письмо, но съ такою замѣткою: «По поводу сего письма

мы находимъ нужнымъ сказать слѣдующее: церковно-приходскія попечительства *какъ по своему устройству*, такъ и въ своихъ дѣйствіяхъ, по мысли соединеннаго присутствія Главнаго Комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія и департаментовъ Законовъ и Государственной Экономіи, выраженной въ журналѣ онаго 6 іюля, и общаго собранія Государственнаго Совѣта 18 іюля 1864 года за № 440 и по смыслу Высочайше утвержденнаго во 2-й день августа того же года Положенія о попечительствахъ, не независимы отъ епархіальнаго начальства. Редакція считаетъ себя не въ правѣ вступать въ полемику по поводу этого вопроса для уясненія юридическихъ отношеній между епархіальнымъ начальствомъ и церковно-приходскими попечительствами, потому что вообще полемика не входитъ въ составъ программъ Епархіальныхъ Вѣдомостей. Впрочемъ, и не признавая независимости, полной самостоятельности и полноправности церковно-приходскихъ попечительствъ по отношенію къ епархіальной власти, *ни по цѣли учрежденія, ни по составу своему*,—редакція однако помѣщаетъ настоящее письмо на страницахъ Епархіальныхъ Вѣдомостей *съ цѣлію уяснить печатно* вопросъ объ отношеніи церковно-приходскихъ попечительствъ къ мѣстной епархіальной власти *помимо Епархіальныхъ Вѣдомостей*.

Этого, повидимому, только и ожидалъ предсѣдатель Спасскаго попечительства Дмитрій Самаринъ. Въ газетѣ «Москва», редакторомъ-издателемъ которой былъ И. Аксаковъ, онъ напечаталъ въ 1867 (№№ 101, 103, 105, 107, 108, 151 и 153) и въ 1868 гг. (№ № 3, 4 и 5) восемь статей подъ однимъ общимъ названіемъ «Приходъ», въ которыхъ доказываетъ, что не церковь, какъ узаконено канонами и Сводомъ законовъ, а *приходъ—собственникъ* церковнаго имущества, почему приходскія попечительства, какъ органы приходовъ, по Положенію 2 августа 1864 г., а не причтъ и церковный староста должны вѣдать церковное хозяйство. Попечительство, говоритъ онъ въ УІІІ статьѣ («Москва», 1868 г. № 4), какъ и самый приходъ, есть *юридическое лицо*, а храмъ Божій, школа, больница—суть учрежденія, которыми завѣдуетъ попечительство». Критикуя указъ Святѣйшаго Синода, въ которомъ отстранено домогательство приходскихъ попечительствъ имѣть свою особую печать, съ своей точки зрѣнія, Д. Самаринъ говоритъ далѣе: «изъ положенія, что попечительства не составляютъ особаго отъ прихода установленія, можно сдѣлать только одинъ выводъ: попечительствамъ не слѣдуетъ имѣть особой отъ прихода печати, иначе сказать: у прихода и у попечительства должна быть одна и та же *общественная печать*. Само собою разумѣется, что (Св. Синодъ), предоставляя попечительству пользоваться церковною печатью на томъ основаніи, что попечительство не составляетъ особаго отъ приходской церкви установленія, слѣдовало бы сдѣлать вмѣстѣ съ тѣмъ (Свят. Синоду) и другой, вытекающій изъ того же положенія, выводъ и *передать въ вѣдѣніе попечительства все хозяйство церковное*» (ibid.). Когда нѣкоторые преосвященные медлили открытіемъ попечительствъ въ епархіи, руководясь сначала постановленіемъ Государственнаго Совѣта (п. 1), а потомъ указаніями опыта въ нѣкоторыхъ епархіяхъ (Черниговской, Смоленской, Полтавской и др.), то земства, по словамъ Д. Самарина, ходатайствовали предъ преосвященными объ ускореніи исполненія новаго закона. Но обозначившіяся намѣренія земцевъ заставили многихъ преосвященныхъ, пользуясь предоставленнымъ имъ государственною властію правомъ «приступить къ открытію оныхъ не одновременно, а постепенно и по мѣрѣ удобствъ и возможности», не спѣшили съ открытіемъ приходскихъ попечительствъ, не смотря на полное сочувствіе къ этимъ учрежденіямъ, способнымъ, при другихъ обстоятельствахъ, возстановить православный приходъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ въ допетровское время, т. е., съ церковно-приход-

скою школою и богадѣльнею (келліями нищихъ, шпиталемъ и другими богоугодными установленіями). Наши архіереи, какъ и вообще православное русское духовенство, не занимаются политикой, но въ силу того, что ихъ идеалы какъ Церкви, такъ и государства, ясны и прочны, потому что твердо обоснованы, умѣютъ терпѣть и ждать, надѣясь на торжество своихъ идеаловъ, на помощь Божию и на «оборонъ» со стороны государственной власти. Если о комъ, то о нашемъ духовенствѣ можно сказать, что оно дѣлаетъ свое дѣло, насколько можетъ и можно, а въ чужія дѣла не вмѣшивается. Всегда дѣйствуя въ предѣлахъ гражданскаго закона, преосвященные открывали и открываютъ попечительства въ тѣхъ случаяхъ, когда предусматриваютъ ихъ пользу для прихода, но отъ закрытія ихъ воздерживаются, такъ какъ въ законѣ нѣтъ яснаго указанія на такое ихъ право, предоставляя самимъ попечительствамъ закрыться вслѣдствіе своей несостоятельности или ненадобности.

Статьи Д. Самарина и даже его нареканія на церковное управленіе и на мудрыя распоряженія такихъ высокихъ по жизни личностей, какъ святители, занимавшіе тогда кафедры Смоленска и Полтавы, остались въ духовной литературѣ какъ бы незамѣченными. Никто не взялъ на себя труда распутывать мысли, на коихъ эти статьи основаны. Самаринъ построилъ свою теорію («Приходъ», ст. 2, «Москва» 1867 г. № 103) полной независимости древнерусскаго прихода на дѣлѣ, напечатанномъ въ Полномъ Собраніи Законовъ, по бывшему спору Псковскихъ церковныхъ старостъ съ своими архіереями о томъ, кому владѣть церковными имуществами, начавшемся еще при второмъ Псковскомъ митрополитѣ Маркеллѣ, а окончившемся, побывавъ нѣсколько разъ въ Сенатѣ и Синодѣ, при Императрицѣ Аннѣ Иоанновнѣ не въ пользу Псковичей. Чтобы правильно понимать это дѣло, необходимо вспомнить, что епархіи у насъ въ допетровское время были обширнѣе нынѣшнихъ, дороги были непроѣзжны, и архіереи почти никогда не обозрѣвали своихъ епархій, отъ чего тамъ и укоренилось много безпорядковъ, для искорененія которыхъ и найдено было необходимымъ уменьшить границы епархій открытіемъ новыхъ: такъ и въ этихъ видахъ выдѣлена была и Псковская епархія изъ Новгородской. Первые Псковскіе архіереи оказались въ необходимости вести борьбу съ остатками вѣчеваго строя этой земли. «Въ Псковѣ и въ пригородѣхъ съ уѣзды», т. е. на всей территоріи бывшаго княжества Псковскаго, а теперь особой епархіи, оказалось «со сто съ шестьдесятъ съ небольшимъ» церквей, за которыми было «всякихъ угодій многое число» и много вотчинъ, на которыхъ сидѣло «больше тысячи дворовъ крестьянъ». Такъ какъ эти церкви были «строенія» Господина Пскова и имъ же были надѣлены вотчинами, то и «церковными старостами» въ этихъ церквахъ были граждане Пскова, выбиравшіеся вѣчемъ и предъ нимъ «считавшіеся» въ доходахъ съ церковныхъ вотчинъ, крестьянъ и угодій. Когда, съ паденіемъ Пскова, вѣче замѣнилось земской избой, а вѣчевики стали называться просто «посадскими», церковный же порядокъ оставался прежній, то и церковные старосты выбирались по прежнему изъ посадскихъ «мужиковъ», которые и «считались» теперь въ земской избѣ. Какъ и во время самоуправленія Пскова, такъ и по низведеніи его въ воеводскій городъ, какъ на вѣчѣ, такъ и въ земской избѣ «церковныхъ старостъ—Псковичъ», которые, живя въ Псковѣ, завѣдывали церковными вотчинами и крестьянами чрезъ своихъ приказчиковъ, считали такъ, что, по выраженію митрополита Маркелла, «кто изъ нихъ посадскихъ людей въ старостахъ ни бываетъ, и тѣ всѣ торговыми промыслами промышляютъ и каменные полаты себѣ строятъ». Такой гнилой порядокъ, очевидно, не могъ быть терпимъ, и такъ какъ за поддержаніе его стояли свѣтскія власти и даже Сенатъ, которые добивались,

и въ одно время добились, чтобъ церковные старосты—Псковичи «считались» на воеводскомъ дворѣ, то тяжба и тянулась почти столѣтіе и кончилась, какъ выше сказано, при Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ не по рѣшенію Сената или Синода, а Высочайшею резолюціею: «прежнихъ старость (т. е. посадскихъ Пскова) учеть въ архіерейскомъ домѣ и при томъ учетѣ быть лицу, опредѣленному отъ воеводской канцеляріи. Если кто уличится въ похищеніи церковныхъ доходовъ, о тѣхъ воеводѣ изслѣдовать и рѣшеніе учинить по указу. А впредь тѣмъ церковнымъ вотчинамъ быть подъ вѣдѣніемъ архіерейскимъ, *старостъ же къ тѣмъ церквамъ и лицъ для управленія тѣми вотчинами прихожанамъ самимъ* (церковнымъ крестьянамъ) выбирать на два года. По прошествіи же того времени, усчитывать ихъ въ архіерейскомъ домѣ, вмѣстѣ съ лицомъ, опредѣленнымъ отъ воеводы». Приведши эти слова Высочайшаго повелѣнія, авторъ статей о приходѣ дѣлаетъ изъ Псковскаго дѣла такой выводъ: «Такимъ образомъ, хотя Псковичамъ *и удалось* на этотъ разъ отстоять интересъ *прихода*, но нельзя однако не признать, что право ихъ вышло изъ этой борьбы нѣсколько надломленнымъ. Хотя прописаннымъ рѣшеніемъ и было подтверждено за прихожанами право самимъ управлять церковными вотчинами, однако самыя вотчины переданы въ вѣдѣніе архіерея. Для насъ впрочемъ, продолжаетъ ниже Д. Самаринъ, во всей этой тяжбѣ имѣетъ важность не столько рѣшеніе, сколько самая тяжба, какъ свидѣтельство о борьбѣ, происходившей въ половинѣ прошлаго столѣтія *между приходскими общинами и духовенствомъ*. Важно это дѣло и потому, что оно уясняетъ тогдашній взглядъ духовенства на вопросъ. Изъ дѣйствій его и изъ доводовъ, пущенныхъ въ ходъ для оправданія дѣйствій, ясно обнаруживается, что уже въ то время іерархія начинала отрицать право собственности отдѣльныхъ приходскихъ церквей на ихъ имущества и доходы. На этомъ основаніи она считала въ правѣ отнять у Псковскихъ приходскихъ церквей вотчины, въ ихъ пользу пожертвованныя, и дать этому имуществу совершенно иное назначеніе, напримѣръ, ассигновать получаемые съ нихъ доходы на содержаніе архіерейскихъ школъ, какъ предполагалъ Псковскій архіерей» («Москва», 1867 г., № 103).

Нужно полагать, что авторъ теоріи полной независимости прихода съ его исполнительнымъ органомъ не принялъ во вниманіе актовъ, изъ которыхъ мы привели выдержки (Акты Историч. т. V, №№ 122 и 172) для выясненія того, что такое были «церковные старосты—Псковичи». Это были *не прихожане* псковскихъ, пригородныхъ и уѣздныхъ церквей Псковской епархіи, владѣвшихъ находившимися внѣ Пскова вотчинами, населенными крѣпостными, принадлежащими этимъ церквамъ, а «посадскіе» г. Пскова, вѣдавшіеся въ псковской земской избѣ, т. е. учрежденіи, соотвѣтствующемъ нынѣшней земской управѣ. Поэтому вышеприведенное Высочайшее повелѣніе есть государственный актъ, освобождавшій приходскія церкви Псковской епархіи съ ихъ вотчинами изъ подъ власти Псковскаго земства, а не завершеніе борьбы приходскихъ общинъ и духовенства. Изъ этого дѣла какъ нельзя яснѣе открывается, что *церковь* именно, а не приходъ, какъ доказывалъ Самаринъ, была *собственникомъ* церковнаго имущества, для завѣдыванія которымъ выбираются старосты изъ прихожанъ, хотя они и ея крестьяне, а не внѣ-приходскія лица. Такое освобожденіе Церкви отъ земства началось еще до Петра Великаго, какъ видно изъ недавно открытаго и напечатаннаго въ т. XII Русской Исторической Библіотеки дѣла о столкновеніи устюжскихъ всеуѣздныхъ земскихъ старостъ съ Велико-устюжскимъ архіепископомъ Александромъ о «счетѣ» церковныхъ старостъ въ архіерейскомъ Приказѣ, восходившее до Боярской Думы и рѣшенное ею въ 1689 году не въ пользу всеуѣздныхъ земскихъ старостъ (№ 80).

Подъ дѣйствиємъ статей о приходѣ, помѣщенныхъ въ органѣ симпатичнѣйшаго изъ славянофиловъ И. С. Аксакова, въ земствахъ, какъ видно изъ свѣтской печати того времени, поднять былъ вопросъ объ освоеніи земствомъ свѣчнаго сбора въ православныхъ церквяхъ, а потомъ были и ходатайства предъ Святѣйшимъ Синодомъ о передачѣ завѣдыванія церковнымъ хозяйствомъ земству и отъ лица приходскихъ попечительствъ, и отъ лица нѣкоторыхъ губернскихъ земствъ. Хотя такія попытки не имѣли никакого успѣха, но образъ мыслей Дмитрія Самарина и до сего времени есть образъ мыслей нашихъ земствъ, какъ видно изъ приведенныхъ выше соображеній предсѣдателя Черниговской губернской земской управы. То обстоятельство, что многія земскія управы, въ своихъ отзываютъ, составленныхъ, какъ есть основаніе думать, въ статистическихъ бюро, при нихъ существующихъ, не говорятъ о приходскихъ попечительствахъ, шпиталяхъ и вообще о приходѣ, а излагаютъ теоретическія мысли, которыхъ многіе изъ членовъ управы, отъ лица коихъ они присланы въ бюро Коммисіи статъ-секретаря Грота, и не раздѣляютъ, а иные можетъ быть и не понимаютъ, не имѣетъ въ этомъ случаѣ почти никакого значенія. Важно то, что почти всѣ земства высказались за такую мѣстную единицу попечительства о бѣдныхъ, которая или совпадаетъ съ приходомъ, или должна будетъ раздробить его на нѣсколько частей.

Не безъ значенія и то, что въ Москвѣ уже производится опытъ благотворительности съ индивидуализаціей, по почину Московской городской Думы. «Въ 1891 г. Дума постановила, сказано въ представленіи Министра Внутреннихъ Дѣлъ Государственному Совѣту, ходатайствовать предъ правительствомъ о разрѣшеніи городскому управленію Москвы «учредить участковыя попечительства о бѣдныхъ для сбора пожертвованій, раздачи пособій нуждающимся и постоянного наблюденія за призрѣваемыми». По утвержденіи этого ходатайства, Московская городская Дума приняла разработанный особою коммиссіей, подъ предсѣдательствомъ профессора В. И. Герье, проектъ Положенія объ участковыхъ попечительствахъ, а въ концѣ 1894 года постановила выдавать ежегодно по 1.000 р. каждому изъ имѣющихся открыться въ Москвѣ первыхъ 40 городскихъ попечительствъ о бѣдныхъ. Затѣмъ для начала дѣла Дума избрала 24 участковыхъ попечителя и товарищей къ нимъ, утвердила предложенныхъ этими попечителями членовъ совѣта для каждаго попечительства и отъ имени городского головы обратилась съ воззваніемъ ко всѣмъ городскимъ жителямъ, которыхъ просила «безъ исключенія, безъ различія званія и пола вступить въ ряды попечительства». Такимъ образомъ организовались мелкіе органы общественнаго призрѣнія—попечительства, каждое изъ которыхъ состоитъ изъ попечителя, его товарища, отъ 4 до 10 человекъ членовъ совѣта и неограниченнаго количества сотрудниковъ, приглашаемыхъ попечителемъ и утверждаемыхъ въ этомъ званіи совѣтомъ. Затѣмъ почти всѣ попечительства подраздѣлились на болѣе мелкіе отдѣлы и районы, которыми завѣдуютъ члены совѣта съ сотрудниками. Всѣ попечители вмѣстѣ, подъ предсѣдательствомъ городского головы, составляютъ общее городское попечительство, которое является для Москвы центральнымъ руководящимъ органомъ». Откликнулось на призывъ Думы 1.721 лицо, пожелавшихъ принять участіе въ городской благотворительности; явилась возможность индивидуализировать помощь бѣднымъ. Добровольные дѣятели въ области призрѣнія собрали въ Москвѣ, не считая вещей и разныхъ предметовъ, около 140.000 р. и получили 60.000 р. отъ Думы и до 33.000 отъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Елизаветы Ѳеодоровны. Разсмотрѣвъ въ теченіе года 21.928 просьбъ и прошеній, попечительства г. Москвы приняли

въ свои убѣжища 668 престарѣлыхъ лицъ и 342 ребенка и кромѣ того роздали бѣднымъ 237.874 р. 52 к. «Въ общемъ, говоритъ Министръ, дѣятельность новой организаціи оказалась удачною и способною поставить дѣло призрѣнія на должную высоту» (Представл. стр. 82 и 83). Эта организація можетъ послужить образцомъ не только для городскихъ Думъ, но и для управъ по всей Россіи. Соображенія же председателя Черниговской губернской земской управы могутъ оказаться наиболѣе подходящими въ этомъ случаѣ, какъ отвѣчающія взглядамъ земцевъ на приходъ и приходское попечительство, хотя, какъ мы видѣли, ложнымъ, но привычнымъ для нихъ.

Православный русскій приходъ и характеръ неудобствъ, происходящихъ отъ примѣненія къ нашей церковно-приходской жизни теорій и системъ, не отвѣчающихъ духу и традиціямъ русскаго народа.

Повидимому, введеніе теперь же, не ожидая указаній болѣе продолжительнаго опыта Московской Думы, въ уѣздахъ и городахъ Россіи проектированныхъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ дополненій къ дѣйствующимъ законамъ объ общественномъ призрѣніи—не можетъ не вызвать множества неудобствъ. Не говоря уже о ст. 2-й р. IV, о значеніи которой въ церковно-приходской жизни сказано выше, и другія статьи дополненія (IV) вызовутъ неудобства для церковныхъ властей. По статьѣ 7 п. ж, напредмѣръ, проэктируемаго закона, на обязанность уѣздныхъ и городскихъ управъ возлагается «сношеніе съ подлежащими начальствами *о понужденіи* крестьянскихъ, мѣщанскихъ обществъ и другихъ *учрежденій* къ исполненію ими возложенныхъ на нихъ обязанностей по оказанію помощи и пособій, принесеніе *жалобъ* на бездѣйствіе или неправильныя дѣйствія обществъ и *учрежденій*». Поелику на обязанности приходскихъ попечительствъ — этихъ «общественныхъ учреждений» (ст. 8 Положенія 2 августа 1864 г.)—лежитъ, между прочимъ, *оказаніе пособій бѣднымъ людямъ прихода* (ст. 5 п. 5), то, если представленія Министра Внутреннихъ Дѣлъ Государственному Совѣту будутъ уважены, земскія и городскія управы получатъ право и обязанность не только войти въ сношенія съ епархіальною властію о понужденіи того или другого приходскаго попечительства, но и принести жалобу на кажущееся имъ бездѣйствіе, или неправильныя дѣйствія того или другого приходскаго попечительства. Этого нужно ожидать въ виду вышеобъясненнаго настроенія нѣкоторыхъ земскихъ дѣятелей и бывшихъ примѣровъ при введеніи въ дѣйствіе Положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ 1864 года.

Не излишне будетъ изложить здѣсь сущность сенатскаго «Дѣла по жалобѣ помѣщика Лесевича на Полтавскій Губернскій Училищный Совѣтъ въ отношеніи учрежденной имъ, Лесевичемъ, школы» (1868 г. марта 5 дня № 39. По 4 эксп. 1 ст. 1 Деп. Сената, на 103 листахъ), въ тѣхъ видахъ, чтобы хотя сколько-нибудь освѣтить дѣйствительныя причины, характеръ и послѣдствія осложненій, присущихъ подобнымъ дѣламъ. На существованіе вышеназваннаго сенатскаго дѣла указалъ въ печати самъ Лесевичъ (Бирж. Вѣдом. 1896 г. 28 февр. № 58), призывая всѣхъ принимающихъ къ сердцу интересы народнаго образованія къ рѣшенію вопроса: «въ самомъ ли дѣлѣ существуетъ право мѣстнаго священника на законоучительство въ школахъ своего прихода, или оно призракъ, который разсѣется при свѣтѣ гласности, при свѣтѣ дня?» Такъ какъ, во 1-хъ, въ своей статьѣ г. Лесевичъ напечаталъ, съ ссылкою на сенатскій указъ и на дѣло Полтавской дух. консисторіи, что священникъ с. Денисовки, Лубенскаго уѣзда, «уличаемый въ лживомъ доносѣ на учителя (Указъ Прав. Сената 3 апр. 1869 г. № 11.956)», былъ въ теченіе 23 лѣтъ устраняемъ полтавскими архіереями отъ законоучительства въ Денисовской школѣ, и сверхъ того былъ въ 1888 году подъ судомъ и слѣдствіемъ, «констатировавшимъ цѣлый рядъ его поступковъ» (Дѣло Полт. Конс. 11 іюня 1888 г. столъ 1, № 571); такъ

какъ, во 2-хъ, настоятель Денисовской церкви о. Михайловскій не рядовой священникъ, а благочинный, статья же г. Лесевича вводи́ла и на Полтавскаго преосвященнаго нареканіе въ неосновательности его распоряженій, и такъ какъ, въ 3-хъ, цитируемый г. Лесевичемъ указъ Сената, по повѣркѣ, оказался не имѣющимъ, по своему содержанію, никакого отношенія ни къ о. Михайловскому, ни къ Денисовской школѣ и ея учителю, и вообще—ни къ народному просвѣщенію, ни къ Духовному Вѣдомству, и посланъ былъ изъ Сената не въ Полтаву, а въ Кострому *): то возникла необходимость разыскать самое дѣло въ сенатскомъ архивѣ и взять оное на нѣкоторое время въ Канцелярію Оберъ-Прокурора Св. Синода для подробнаго ознакомленія съ фактами, на которые указываетъ г. Лесевичъ, а также вытребовать цитируемое дѣло изъ Полтавской дух. консисторіи и вообще собрать правильнымъ путемъ свѣдѣнія о фактахъ, затронутыхъ г. Лесевичемъ въ печати. Дѣйствительность, которой коснулся г. Лесевичъ, оказалась въ такомъ видѣ.

Помѣщикъ Лесевичъ, почти одновременно съ изданіемъ Положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ 1864 года, открылъ у себя на усадьбѣ въ с. Денисовкѣ, Лубенскаго уѣзда, начальную школу, поставивъ учителемъ въ ней своего двороваго человѣка, по фамиліи Безуглаго, нѣсколько подготовленнаго къ учительству, и одновременно съ тѣмъ подалъ прошеніе директору народныхъ училищъ о разрѣшеніи открыть начальное училище, самъ же уѣхалъ за границу. Между тѣмъ штатный смотритель Лубенскаго уѣзднаго училища, обозрѣвая подвѣдомственные ему школы въ уѣздѣ, посѣтилъ и Денисовскую школу, причемъ нашелъ, что поставленный г. Лесевичемъ учитель, во 1-хъ, ведетъ преподаваніе на малороссійскомъ языкѣ и, во 2-хъ, онъ же, а не священникъ, преподаетъ законъ Божій. Директоръ народныхъ училищъ остановился въ разрѣшеніи на открытіе такой школы. Между тѣмъ организовавшійся уѣздный училищный совѣтъ, въ составъ котораго, по закону, вошелъ и штатный смотритель уѣзднаго училища, сдѣлалъ постановленіе объ удаленіи учителя Безуглаго изъ школы и о предоставленіи учредителю принадлежащаго ему права, не закрывая школы, избрать другого учителя и къ преподаванію закона Божія допустить, согласно закону, приходскаго священника (изъ окончившихъ курсъ семинаріи). Это постановленіе было утверждено губернскимъ училищнымъ совѣтомъ, во главѣ котораго, по закону, стоялъ мѣстный преосвященный, губернаторъ же и губернский предводитель дворянства состояли членами. По возвращеніи изъ заграницы г. Лесевичъ на половину подчинился такому постановленію уѣзднаго и губернскаго училищныхъ совѣтовъ, а именно допустилъ въ школѣ русскій языкъ и пригласилъ приходскаго священника къ преподаванію закона Божія, уволить же учителя Безуглаго отказался. И такъ какъ ко времени открытія занятій въ школѣ г. Лесевичемъ не былъ представленъ кандидатъ въ учителя Денисовской школы, и директоромъ народныхъ училищъ получена была отъ него телеграмма, изъ которой видно было, что онъ не намѣренъ разстаться съ учителемъ Безуглымъ, то губернский училищный совѣтъ благоразумнымъ нашелъ, согласно мнѣнію преосвященнаго, поручить преподаваніе всѣхъ предметовъ въ Денисовской школѣ мѣстному священнику до опредѣленія *особаго учителя вмѣсто Безуглаго*. Это временное назначеніе учителя въ Денисовскую школу на мѣстѣ, въ г. Лубнахъ, найдено было нарушеніемъ *права учредителя*. Денисовскую школу въ декабрѣ 1868 г. посѣтилъ предсѣдатель Лубенской земской управы—онъ же и выборный предсѣдатель уѣзднаго училищнаго совѣта—и уѣздный

*) Изъ дѣла видно, что указъ Прав. Сената Полтавскому Губернатору о допущеніи крестьянина Безуглаго къ преподаванію въ Денисовской школѣ посланъ 3 Апр. 1869 г. за № 24.262, а г. Лесевичу за № 24.261 объявленъ чрезъ С.-Петербургскую Управу благочинія 10 Сент. 1869 г.

предводитель дворянства, которые и нашли, что Безуглый отлично ведет свое дѣло, преподаетъ на русскомъ языкѣ, и школа вообще найдена *образцовой*, а потому въ борьбѣ г. Лесевича съ губернскимъ училищнымъ совѣтомъ уѣздный училищный совѣтъ сталъ на сторонѣ перваго. Прежде чѣмъ обратиться въ Сенатъ съ жалобою на губернский совѣтъ за нарушеніе его, г. Лесевича, учредительскаго права, онъ принялъ на себя и право попечительства надъ учрежденною имъ школою, затѣмъ передалъ своимъ бывшимъ крестьянамъ капиталъ (4.000 р.), пожертвованный на поддержаніе школы, и въ тотъ же день получилъ отъ нихъ обратно этотъ капиталъ съ правомъ неограниченнаго распоряженія онымъ и довѣренность отъ нихъ на подачу, если потребуется, и жалобы куда слѣдуетъ по этому дѣлу. Такъ какъ журналы засѣданій губернскаго училищнаго совѣта печатались въ губернскихъ вѣдомостяхъ, то священникъ с. Денисовки, узнавъ изъ нихъ о лишеніи г. Безуглаго права на учительство, пришедши въ школу, сказалъ ему объ этомъ. Безуглый передъ дѣтьми оскорбилъ законоучителя и закрылъ школу. Вотъ какъ говоритъ объ этомъ прискорбномъ случаѣ въ своемъ объясненіи губернаторъ М. Мартыновъ предъ Сенатомъ: «священникъ Михайловскій, 17 января 1868 г., пришедши въ это училище по обязанности законоучителя, сказалъ Безуглому, что онъ не можетъ болѣе заниматься обученіемъ. Въ отвѣтъ на это Безуглый сказалъ священнику: «ты не имѣешь никакого права до этого училища»; послѣ того осмѣлился оскорбить его грубымъ словомъ и, обратясь къ ученикамъ, сказалъ: «дѣти, ступайте домой, я закрываю училище»,—что и исполнилъ на самомъ дѣлѣ» (29 апрѣля 1868 г. № 4001). Получивъ объясненія отъ губернатора по пунктамъ жалобы г. Лесевича на губернский училищный совѣтъ, Сенатъ, при Товарищѣ Министра Народнаго Просвѣщенія, опредѣлилъ: «состоявшееся по сему предмету 3 августа 1867 года постановленіе Полтавскаго губернскаго училищнаго совѣта отмѣнить, поручивъ сему совѣту сдѣлать распоряженіе о допущеніи Безуглаго къ преподаванію свѣтскихъ предметовъ въ Денисовскомъ училищѣ; учредителю же училища Лесевичу объявить, что съ ходатайствомъ своимъ о назначеніи, вмѣсто священника Іоанна Михайловскаго, другого законоучителя онъ можетъ обратиться, на основаніи 15 ст. Положенія о нар. училищахъ, въ уѣздный училищный совѣтъ и затѣмъ къ епархіальному начальству, отъ котораго и будетъ зависѣть окончательное по сему предмету распоряженіе». Предсѣдательствующій въ губернскомъ училищномъ совѣтѣ архіепископъ Іоаннъ на ходатайство уѣзднаго училищнаго совѣта и г. Лесевича о замѣнѣ священника Михайловскаго другимъ законоучителемъ,—не могъ отвѣчать отказомъ какъ по своему глубокомиролюбивому характеру, такъ и потому, что не видѣлъ ни откуда защиты правотѣ дѣла и его архинастырскому долгу и авторитету (отъ него никто не требовалъ объясненія и Оберъ-Прокурорская власть при Св. Синодѣ при разборѣ дѣла въ Сенатѣ отсутствовала); но такъ какъ вывести священника Михайловскаго въ другой приходъ—значило бы разорить его (за неимѣніемъ причтоваго дома, живетъ въ своемъ), то архіепископъ Іоаннъ предоставилъ г. Лесевичу право пригласить законоучителя изъ сосѣдняго прихода; священнику же Михайловскому, по поводу его жалобы на Безуглаго въ губернский училищный совѣтъ за оскорбленіе при ученикахъ, предоставлено было право искать судебнымъ порядкомъ на Безугломъ возмездія за оскорбленіе, какимъ правомъ обиженный не призналъ удобнымъ для себя воспользоваться.

Правовой порядокъ, о водвореніи котораго у насъ тогда такъ много писали и который съ принятіемъ проекта Министра Внутреннихъ Дѣлъ Государственнымъ Совѣтомъ долженъ будетъ водвориться и въ дѣлѣ мило-

сердія и благотворительности, весьма неудобны для лиц, призванных къ водворенію въ православномъ русскомъ народѣ порядка нравственнаго, и съ представителями правового порядка наше духовенство не будетъ судиться. Священникъ Михайловскій и его прихожанинъ г. Лесевичъ—представители двухъ міросозерцаній и двухъ культуръ. Лесевичъ—почитатель Огюста Конта, какъ видно изъ его статей, попадающихъ въ журналы, а равно и изъ газетныхъ извѣстій, и филантропъ, пожертвовавшій часть выкупныхъ денегъ своимъ бывшимъ крестьянамъ и тѣмъ привязавшій ихъ къ себѣ. Священникъ же Михайловскій—надлежаще образованный священникъ. Личной вражды между помѣщикомъ и священникомъ Денисовскаго прихода, какъ видно изъ сенатскаго дѣла, въ началѣ не было. Это—столкновеніе двухъ міросозерцаній, двухъ культуръ, обнаружившееся въ области начального народного образованія, и не при о. Михайловскомъ, а при его предмѣстникѣ. Любопытно наблюдать за развитіемъ этой борьбы двухъ культуръ, ведущейся въ Денисовскомъ приходѣ до сего времени. Она оставляетъ за собою слѣды частію въ печати, частію въ дѣлахъ Полтавской духовной консисторіи и въ Лубенскомъ уѣздномъ земствѣ. Кромѣ жалобы въ Сенатъ г. Лесевичъ, какъ членъ бывшаго Петербургскаго педагогическаго общества, имѣлъ въ немъ рефератъ о своей школѣ, который и появился въ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ (№ 315) подъ заглавіемъ: «Печальная исторія одной сельской школы». Губернаторъ М. Мартыновъ въ своемъ объясненіи предъ Сенатомъ отмѣчаетъ несоотвѣтствія въ ней съ дѣйствительностью (было производимо дознаніе). Нечего и говорить о нареканіяхъ на духовенство и церковную власть, терпѣливо перенесенныхъ ими. Какъ только сынъ о. Михайловскаго окончилъ курсъ духовной семинаріи, отецъ открылъ въ собственномъ домѣ церковную школу, сдѣлавъ учителемъ вполне подготовленнаго къ учительству сына. Школа Лесевича, съ ея мѣняющимися учителями и учительницами (Безуглый вскорѣ инспекціею уволенъ за обнаружившіяся пристрастія, свойственныя дворовымъ людямъ) и съ законоучителями тоже мѣняющимися, очевидно, не могла конкурировать съ Денисовскою церковно-приходскою и учителемъ-семинаристомъ. Она была переполнена въ 1889 г. и давала громадный процентъ оканчивающихъ съ правомъ на льготу. Инспекторъ народныхъ училищъ III района Полтавской губерніи г. Малиновскій, видя паденіе школы г. Лесевича и неудобства отъ наѣзжавшихъ изрѣдка законоучителей, обратился въ 1892 году къ преосвященному Иларіону съ просьбою назначить законоучителемъ въ Денисовское народное училище священника Михайловскаго, мотивируя свое ходатайство не только тѣмъ, что по дальности разстоянія священники другихъ приходовъ не всегда являются на уроки въ с. Денисовку, но и тѣмъ, что «мѣстному приходскому священнику болѣе приличествуетъ быть законоучителемъ дѣтей своихъ прихожанъ, нежели постороннему». Преосвященный удовлетворилъ ходатайство г. Малиновскаго. «Вслѣдъ за симъ, читаемъ въ постановленіи Лубенскаго училищнаго совѣта, состоявшемся въ 1893 году, учредитель Денисовскаго училища, землевладѣлецъ Лесевичъ заявилъ, что училищному зданію будетъ дано другое назначеніе, а мѣстное крестьянское общество, которому Лесевичемъ переданъ былъ значительный капиталъ на содержаніе училища, отказалось выдавать жалованье учащимъ. Такимъ образомъ въ прошломъ году въ Денисовскомъ училищѣ не было занятій». Озабочиваясь открытіемъ въ немъ ученія, Лубенскій училищный совѣтъ просилъ преосвященнаго назначить въ Денисовское училище законоучителя изъ другого прихода. На такое ходатайство послѣдовала такая резолюція Полтавскаго епископа отъ 15 ноября 1893 года за № 1671: «Сообщить совѣту, что не нахожу основанія устранять благонадежнаго

священника отъ принадлежащей ему по праву обязанности законоучителя». Какъ только эта резолюція стала извѣстною въ г. Лубнахъ, г. Лесевичъ, по праву учредителя и по довѣренности отъ бывшихъ своихъ крестьянъ, закрылъ Денисовскую школу, инспекторъ же Ив. Малиновскій былъ переведенъ въ другой районъ, очевидно, не по своему желанію, такъ какъ ему, многосемейному, невыгодно было уходить изъ г. Лубенъ, гдѣ есть классическая и женская гимназіи, тамъ же, гдѣ г. Малиновскій водворился, классической гимназіи нѣтъ, да и вообще учебными заведеніями, пригодными для его дѣтей, скудно.

Школа г. Лесевича и по сіе время не открыта и только изъ-за того, что онъ желаетъ имѣть въ ней законоучителемъ иноприходнаго священника, т. е., не о. Михайловскаго. Здѣсь не воспроизводится дѣло консисторіи по жалобѣ *прихожанъ* на священника Іоанна Михайловскаго, такъ какъ слѣдствіе ее не подтвердило во всей силѣ, и вслѣдъ за тѣмъ преосвященный Иларіонъ призналъ о. Михайловскаго къ должности благочиннаго. Когда вышелъ законъ о ремесленныхъ школахъ, то г. Лесевичъ, взявъ довѣренность не только отъ своихъ бывшихъ крестьянъ, но и отъ казаковъ Денисовки, т. е. отъ всего Денисовскаго прихода, состоящаго изъ двухъ сельскихъ обществъ, явился ходатаемъ предъ собраніемъ Лубенскаго уѣзднаго земства 1895 г. объ открытіи въ построенномъ имъ для начальной школы зданіи, теперь ничѣмъ незанятомъ, школы новаго типа, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы о. Михайловскій не былъ законоучителемъ. Земское собраніе приняло и его ходатайство и его условіе. По доведеніи до свѣдѣнія преосвященнаго такого постановленія земства, преосвященный Иларіонъ отвѣтилъ: «что касается предполагаемаго открытія училища въ Денисовкѣ, при особомъ условіи, то сообщить Лубенской земской управѣ, что я не имѣю основанія отнять у приходскаго священника Михайловскаго право быть законоучителемъ, къ каковой должности онъ весьма способенъ» (8 дек. 1895 г. за № 19614). Лубенская земская управа отыскала окончившаго курсъ духовной семинаріи, согласившагося быть учителемъ и законоучителемъ въ школѣ г. Лесевича, и, указывая на избраннаго ею кандидата и на «настоятельную потребность въ учрежденіи училища въ с. Денисовкѣ, безъ котораго мѣстное и окружное населеніе лишено возможности получить необходимое первоначальное образованіе, и невозможность для управы измѣнить постановленіе уѣзднаго собранія», просила преосвященнаго Полтавскаго назначить указываемое ею лице законоучителемъ и учителемъ школы г. Лесевича. Преосвященный Иларіонъ велѣлъ консисторіи сообщить отъ его имени Лубенской земской управѣ, что, по общимъ положеніямъ, законоучителемъ въ сельской школѣ, какого бы она ни была названія, долженъ быть приходскій священникъ; «посему устранить отъ обязанности законоучительства въ предполагаемомъ училищѣ заслуженнаго и безукоризненнаго священника Іоанна Михайловскаго я не имѣю основанія: право законоучительства—въ его пастырствѣ. Должно присовокупить, что мѣстное населеніе с. Денисовки не лишено возможности получать правильное образованіе, такъ какъ имѣется церковно-приходская школа, въ которой обучается 50 мальчиковъ, а, при участіи и пособіи земства, она могла бы дать мѣсто и большому числу учениковъ; долгомъ почту призывать благословеніе Господне на дѣятелей земства, если бы оказано было такое пособіе».

Само собою понятно, что такого пособія церковно-приходская Денисовская школа не получила и не могла получить: сущность дѣла не въ томъ образованіи народа, о какомъ заботится преосвященный и какой даетъ церковно-приходская школа, а въ томъ *другомъ*, о которомъ хлопочетъ г. Лесевичъ и земство, поддерживающее его домогательства. Открывая свою школу, г. Лесевичъ снабдилъ ее учебными

принадлежностями, вывезенными изъ-за-границы; въ ней были микроскопъ и небольшіе музеи: зоологическій и минералогическій, но не было въ ней священника: преподаваніе Закона Божія поручено было не духовному лицу; былъ приглашенъ діаконъ, но только для обученія дѣтей пѣнію. Послѣ г. Лесевичъ вынужденъ былъ допустить въ школу и священника, пригласивъ о. Михайловскаго въ законоучители, и объясняя свое нарушеніе закона предъ училищнымъ совѣтомъ тѣмъ, что до поступленія въ Денисовскій приходъ о. Михайловскаго, онъ не находилъ въ старикѣ-священникѣ лица, способнаго къ преподаванію. Но о. Михайловскій, молодой и съ надлежащею подготовкою къ своему служенію священникъ, оказался для г. Лесевича еще болѣе неудобнымъ не по чему другому, какъ только по тому, что это священникъ, отвѣчающій своему назначенію. Для позитивиста, признающаго за законъ историческаго развитія какъ человѣчества вообще, такъ и каждаго народа въ частности, три Контоскіе періода переживанія: теологическій, метафизическій и позитивный, а главное—такія переживанія, которыя должны всецѣло замѣнять одно другое: низшее уступать мѣсто высшему, теологическое и метафизическое научному,—религіозность русскаго народа не можетъ не казаться главнымъ препятствіемъ къ его историческому развитію и росту, а православный священникъ не можетъ не казаться силою, задерживающею водвореніе въ Россіи истинной, по понятію позитивистовъ, культуры. И такъ какъ успѣхи позитивизма въ нашей литературѣ громадны, какъ это заявлялось въ недавнее юбилейное чествованіе памяти Огюста Конта въ Философскомъ обществѣ при С.-Петербургскомъ университетѣ—какъ это на самомъ дѣлѣ и есть,—то становится понятнымъ, почему стремленія и начинанія дѣятелей, подобныхъ г. Лесевичу, находятъ себѣ поддержку въ земствахъ, какъ учрежденіяхъ, состоящихъ изъ лицъ болѣею частью литературно-образованныхъ. Мало, конечно, у насъ такихъ позитивистовъ, которые были бы научно образованы, или такихъ, которые могли бы, какъ г. Лесевичъ, знать ученіе позитивизма изъ его источниковъ и допускать существованіе начальныхъ школъ, изъ которыхъ изгнаны не только священники, но и Законъ Божій. Однако же было бы заблужденіемъ не признать, что масса читателей, не слыхавшихъ даже имени основателя позитивизма, принадлежитъ къ числу послѣдователей этого ученія, въ смыслѣ принимающихъ на вѣру тѣ выводы изъ него, которые дѣлаетъ иногда печать при обсужденіи вопросовъ, подобныхъ школьному.

При такомъ образѣ мыслей, господствующихъ въ печати и въ средѣ земцевъ, нельзя не ожидать такого же отношенія ихъ къ приходу и къ проектируемымъ дѣятелямъ по общественному призрѣнію, въ какомъ они заявили себя въ дѣлѣ начального народнаго образованія.

Можетъ показаться, что вся, изложенная съ такою подробностью, исторія Денисовской школы, во 1-хъ, принадлежитъ къ числу исключительныхъ явленій и, во 2-хъ, не имѣетъ прямаго отношенія къ проектируемымъ новымъ законамъ объ общественномъ призрѣніи. Но такъ можетъ показаться только тѣмъ, кто не придаетъ никакого значенія православному приходу, какъ въ строѣ современной жизни и въ годности этой церковной ячейки для будущаго развитія національной жизни Россіи, такъ особенно—въ исторіи уклада и развитія народной жизни древней Россіи и въ строеніи государства Россійскаго. Въ организмѣ, называемомъ православнымъ приходомъ, Д. Самаринъ совершенно вѣрно различаетъ три отправления, выражаемыя тремя истинными его «установленіями»: а) церковь или храмъ, гдѣ совершается богослуженіе и откуда, чрезъ священство и совершаемыя имъ таинства, сообщается лицамъ, составляющимъ приходскую общину, благодатная сила, способствующая ихъ нравственному росту и преуспѣванію; б) школа,

воспитывающая юныхъ членовъ этой общины обученіемъ и привитіемъ къ нимъ навыковъ, свойственныхъ православному, при томъ русскому, и о) богадѣльня, призрѣвающая обезсилившихъ стариковъ, калѣкъ и вообще безпомощныхъ лицъ приходской общины. Къ первому установленію, какъ къ Божественному и главному въ приходѣ и составляющему такъ сказать его корень, еще ни одна изъ силъ, дѣйствовавшихъ и дѣйствующихъ въ государствѣ Русскомъ, не коснулась на столько разрушительно, чтобы можно было опасаться за его дальнѣйшее преуспѣяніе. Второе установленіе, т. е. школа, искони составляло, въ томъ или другомъ видѣ, необходимую принадлежность прихода. Въ Великой Россіи къ періоду Петровскихъ реформъ грамотность была очень распространена въ народѣ, хотя школъ въ собственномъ смыслѣ не было; она исходила изъ монастырей и отъ приходскаго духовенства. Что же касается Малой Россіи, то судить объ этомъ предметѣ можно по слѣдующимъ словамъ архидіакона Павла Алептскаго, проѣхавшаго въ половинѣ XVII вѣка съ патріархомъ Антиохійскимъ Макаріемъ всю Малороссію отъ Днѣстра до Путивля. «Начиная отъ г. Рашкова (на тогдашней границѣ съ Молдавіею) и по всей землѣ русскихъ, пишетъ Павелъ Алептскій, *то есть казаковъ*, мы замѣтили возбуждавшую наше удивленіе прекрасную черту: всѣ они, за исключеніемъ немногихъ, даже большинство ихъ женъ и дочерей, *умѣютъ читать и знаютъ порядки церковныхъ службъ и церковныя напѣвы*; кромѣ того священники *обучаютъ сиротъ и не оставляютъ ихъ шататься по улицѣ невпѣждами*. Какъ мы примѣтили, въ этой странѣ, т. е. у казаковъ, есть безчисленное множество *вдовъ и сиротъ*, ибо со времени появленія гетмана Хмѣля (Богдана Хмѣльницкаго) и до настоящей поры не прекращались страшныя войны. Въ теченіе всего года, по вечерамъ, начиная съ заката солнца, эти сироты ходятъ по всѣмъ домамъ просить милостыню, по хоромъ гимны Пресвятой Дѣвѣ пріятнымъ, восхищающимъ душу, пѣніемъ: ихъ громкое пѣніе слышно на большомъ разстояніи. Окончивъ пѣніе, они получаютъ изъ того дома, гдѣ пѣли, милостыню деньгами, хлѣбомъ или инымъ подобнымъ, годнымъ для поддержанія ихъ существованія, *пока они не кончатъ ученія*. Вотъ причина, почему большинство изъ нихъ грамотно. Число грамотныхъ особенно увеличилось со времени появленія Хмѣля, который освободилъ эти страны и избавилъ эти милліоны безчисленныхъ православныхъ отъ ига враговъ вѣры, проклятыхъ ляховъ» (Русс. Обзор. 1897 г. Янв. стр. 242). Въ концѣ описанія путешествія чрезъ Малороссію, на границѣ Великой Россіи, т. е., подъ самымъ Путивлемъ, Павелъ Алептскій сдѣлалъ такую общую замѣтку: «знай, что во всей странѣ казаковъ, въ каждомъ городѣ и въ каждой деревнѣ выстроены для ихъ *бѣдняковъ и сиротъ дома*, при концѣ мостовъ, или внутри города, служащіе имъ *убѣжищемъ*; на нихъ снаружи множество образовъ. Кто къ нимъ заходитъ, даетъ имъ милостыню,—не такъ, какъ въ странѣ молдаванъ и валаховъ, гдѣ они ходятъ *по церквамъ* и по причинѣ своей многочисленности мѣшаютъ людямъ молиться» (ibid. Мартъ стр. 284). Въ этихъ словахъ тонкаго и обстоятельнаго наблюдателя надъ церковной жизнью пройденной имъ изъ конца въ конецъ Малой Россіи нельзя не видѣть, что богадѣльня и церковная школа для сиротъ (составлявшая часть богадѣльни) была необходимою принадлежностью прихода или нѣсколькихъ приходовъ (въ городахъ и мѣстечкахъ). И до Хмѣльницкаго эти приходскія установленія существовали, а при Хмѣлѣ, когда все было поколеблено, какъ видно изъ самаго названія его эпохи, одинъ «приходъ» стоялъ не разрушеннымъ: во времена Хмѣльницкаго стало только больше вдовъ и сиротъ въ его богадѣльняхъ-школахъ подъ охраною церкви и подъ заботою священниковъ потому, что въ это «рушенъе» больше, чѣмъ когда

либо, казаковъ сложило свою голову за свою поруганную Церковь, за свою національную самобытность. Въ Великой Россіи, какъ въ Молдавіи и Валахіи, нищіе, говоря словами Павла Алепскаго, «мѣшали въ церквахъ Богу молиться», потому что въ Московскомъ государствѣ приходскія богадѣльни, со Стоглаваго собора, стали замѣняться *узд-ными*. И профессоръ Герье, и Министръ Внутреннихъ Дѣлъ въ своемъ представленіи Государственному Совѣту смотрятъ на постановления о богадѣльняхъ Стоглаваго собора и на составленный при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, но не обнародованный указъ о разборѣ нищихъ, какъ на подражаніе Западу Европы—«Европейскимъ странамъ» (Герье, стр. 94). Съ этимъ трудно не согласиться; но едва ли можно принять выводы, дѣлаемые изъ такихъ данныхъ, въ виду опыта Малороссіи, не знавшей другого способа общественнаго призрѣнія, кромѣ приходскаго, до учрежденія Приказовъ общественнаго призрѣнія. Даже такой подражатель Европейскимъ порядкамъ, какъ Петръ Великій, очевидно, подъ влияніемъ архіереевъ изъ Малороссіи, даетъ указъ Святѣйшему Синоду о возстановленіи приходской благотворительности устройствомъ госпиталей въ каждомъ приходѣ на доходы отъ продажи свѣчъ въ церквахъ. Этотъ указъ не создалъ шпиталей въ Великороссіи. Очевидно, здѣсь во всей силѣ дѣйствовали уже тѣ причины, которыя и въ Малороссіи къ началу XIX вѣка уничтожили церковно-приходскую школу и приходскіе шпитали. Изъ (напечатанныхъ извлеченій) Румянцевской описи Малороссіи видно, что еще въ половинѣ XVIII вѣка во всей Малороссіи по приходамъ были школы и шпитали, какъ особые установленія въ приходѣ, освобожденные отъ всякаго вліянія на нихъ гражданской власти, при томъ существовавшія не подъ одною кровлею, какъ было при Богданѣ Хмѣльницкомъ, судя по замѣткамъ Павла Алепскаго, а въ отдѣльныхъ помѣщеніяхъ. Шпиталь обыкновенно стоялъ возлѣ церкви, и прихожанинъ, идя въ церковь, обыкновенно заходилъ прежде въ богадѣльню и здѣсь оставлялъ свою милостыню въ видѣ ли денегъ—что было рѣдко,—или въ видѣ муки, печенаго хлѣба и т. п., что было болѣе обычно; состоятельная же прихожанка, сваривъ въ праздникъ рано утромъ обѣдъ для своей семьи, съ частію онаго (стравою) въ посудинѣ, шла прежде всего въ шпиталь и, оставивъ тамъ принесенное, шла къ богослуженію, изъ церкви же заходила въ богадѣльню за своею опорожненной посудой. Школа же обыкновенно помѣщалась въ квартирѣ дьячка, хотя, судя по сохранившимся приходо-расходнымъ церковнымъ книгамъ, не рѣдко стояла и на погостѣ церковномъ и ремонтировалась изъ церковной казны. Съ водвореніемъ въ Малороссіи крѣпостнаго права эти церковно-приходскія установленія захирѣли, а потомъ шпитали вездѣ постепенно закрылись, изъ школъ же сохранились только тѣ, которыя не имѣли особаго помѣщенія, а ютились въ домахъ духовенства, какъ школы домашнія; тѣ же изъ сельскихъ школъ, которыя имѣли собственныя помѣщенія, закрылись при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія. Объ этомъ грустномъ фактѣ профессоръ Д. И. Багалъй въ своемъ «Опытѣ исторіи Харьковскаго университета» говоритъ такъ: «къ сожалѣнію, эти церковно-приходскія школы, какъ стоявшія внѣ всякой регламентаціи, не были поддержаны учебнымъ начальствомъ; наоборотъ, имъ подчасъ высказывали даже неодобреніе или же вовсе не замѣчали ихъ существованія—такъ же точно, какъ и тѣсно связанныхъ съ ними шпиталей; а между тѣмъ *гораздо легче было поддержать то, что создано было самимъ народомъ, въ его духъ и традиціи, чѣмъ насаждать такія учрежденія, которыя казались ему чуждыми и непонятными; такъ порвалась нить, которая могла бы связать старое культурное наслѣдіе народа съ новой цивилизаціей...*» (выпускъ 1, стр. 43). Въ Малороссійскихъ и Слободско-украинскихъ

городахъ приходскія школы не закрывались насильственно, какъ это дѣлалось въ Великороссіи при открытіи Екатерининскихъ народныхъ училищъ, гдѣ губернаторы, какъ предсѣдатели Приказовъ общественнаго призрѣнія, не имѣя возможности построенное Приказомъ зданіе для народнаго училища наполнить учениками, такъ какъ народъ предпочиталъ учить своихъ дѣтей у причетниковъ и священниковъ, обращались къ архіереямъ съ просьбою воспретить духовенству обучать грамотѣ дѣтей своихъ прихожанъ и, къ сожалѣнію, такія просьбы иногда удовлетворялись.

Изъ вышеизложеннаго легко понять, что первая половина XIX вѣка составляетъ самое тяжелое время для православнаго русскаго прихода: два самыя жизненные его отправления—школа и богадѣльня—были въ это время почти атрофированы; причтъ церковный былъ только требоисправителемъ; хотя священники не лишены учительства, но только въ церкви, произнося поученія; живаго же участія въ приходской жизни, за рѣдкими исключеніями, не было. Своеобразный утилитаризмъ того времени, вмѣсто этого, силился сдѣлать изъ духовнаго отца прихожанъ руководителя ихъ въ раціональномъ сельскомъ хозяйствѣ, отчасти землемѣра и отчасти медика, для чего и введены были въ учебный курсъ духовныхъ семинарій соотвѣтственные предметы. И когда, послѣ 19 февраля 1861 года, оказалось необходимымъ бросить этотъ утилитаризмъ и оживить изсушенный приходъ, то, исключивъ изъ подготовки кандидатовъ священства сельское хозяйство, естественную исторію, землемѣріе и медицину, ввели педагогику и посадили во главѣ губернскихъ училищныхъ совѣтовъ архіереевъ; въ Положеніи же о приходскихъ попечительствахъ при православныхъ церквахъ—положили начало всесословной волости, посадивъ неперемѣннымъ членомъ каждаго такого попечительства волостнаго старшину или голову, самыя же приходы стали, по ихъ величинѣ, приближать къ волости, соединяя нѣсколько приходовъ въ одинъ. Почти 30-лѣтній опытъ показалъ, что это было не возрожденіе прихода и даже не оживленіе его, а средство къ окончательному его разложенію. Если бы, во 1-хъ, «Сборникъ узаконеній и мѣстныхъ постановленій касательно главныхъ церковныхъ попечительствъ и церковныхъ попечителей въ Лифляндской губерніи» изданъ былъ не въ 1888 году (по распоряженію губернатора М. А. Зиновьева), а раньше 1864 года, если бы, во 2-хъ, существовали основанія заподозрить искренность патріотизма и любви къ православной Церкви и къ русскому народу составителей «Положенія о приходскихъ попечительствахъ при православныхъ церквахъ» 1864 года, и если бы, въ 3-хъ, тогда же не изданы были Высочайше утвержденныя 13-го марта 1864 года «Основныя правила для учрежденія православныхъ церковныхъ братствъ», то можно бы сказать, что законъ 2 августа 1864 г. составленъ съ цѣлію преобразовать приходъ по образцу Лифляндскаго и изъ самостоятельнаго церковнаго учрежденія превратить въ полугражданское, находящееся въ тѣсной зависимости отъ земства, на которое Положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ того же 1864 года и возложено попеченіе о построеніи церквей. Земство ни одной приходской церкви, сколько извѣстно, не построило и не высказало никакой заботы о процвѣтаніи самого главнаго «установленія», по выраженію Д. Самарина, въ приходѣ. Не строило оно и зданій для школъ—этого втораго исконнаго установленія въ приходѣ, но воспользовалось, съ большою удачею, зданіями для школъ, устроенными приходскими попечительствами иногда съ пособіями изъ церковной казны и не рѣдко на церковной землѣ и изъ матеріала, принадлежащаго церкви. Теперь очередь за послѣднею функціею приходской жизни или за тѣмъ установленіемъ, которое въ древности называлось въ однихъ мѣстахъ келліями нищихъ, въ дру-

гихъ шпиталемъ, въ третьихъ богадѣльнею, приютомъ и т. п. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что земство, при помощи приходскихъ попечительствъ, и въ этомъ отношеніи ослабитъ жизнь прихода. Еще не введены земскія учрежденія на западѣ Россіи, а только предположено ввести ихъ въ югозападныхъ русскихъ губерніяхъ, еще не разсмотрѣнъ въ Государственномъ Совѣтѣ проектъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, отдающій попечительства по общественному призрѣнію подъ руководство земства, но югозападные помѣщики уже готовятся стать во главѣ приходскихъ попечительствъ, какъ показываетъ случай въ с. Баштанковѣ, Ольгопольскаго уѣзда, Подольской епархіи. Попечители этого прихода, вскорѣ по вступленіи въ должность, стали требовать, чтобы причтъ и церковный староста допустили ихъ къ распоряженію церковными деньгами, изъ которыхъ они хотѣли отдѣлить часть въ пользу попечительства. Разъясненія священника и благочиннаго, а потомъ и мироваго посредника не убѣдили ихъ въ незаконности такого домогательства. Преосвященный, убѣдившись, чрезъ назначенное имъ разслѣдованіе, въ упорствѣ этихъ попечителей, велѣлъ благочинному отправиться лично въ с. Баштанково и, устранивъ отъ должностей наличныхъ попечителей, предложить прихожанамъ избрать новыхъ лицъ въ составъ попечительства, коимъ разъяснить Положеніе о попечительствахъ, а также его цѣли и обязанности. Благочинный, побывавъ на мѣстѣ, донесъ преосвященному, что распоряженіе епархіальнаго начальства «не можетъ быть приведено въ исполненіе, такъ какъ на подчиненіе этому распоряженію со стороны прихожанъ послѣдовалъ рѣшительный отказъ, съ заявленіемъ, что они *не признаютъ устраненія* отъ должностей нынѣ дѣйствующихъ членовъ попечительства, а потому не находятъ надобности въ избраніи новыхъ». Во время хода всего этого дѣла выяснилось, что такой его исходъ получился, благодаря вліянію со стороны мѣстнаго помѣщика—поляка г. Яловицкаго, который «стремится попасть въ предсѣдатели церковно-приходскаго попечительства»; къ такому заключенію ведетъ, во 1-хъ, то, что еще во время производства выбора нынѣшняго состава попечительства прихожане настаивали на избраніи въ должность предсѣдателя попечительства г. Яловицкаго, но имъ разъяснено, что лицо римско-католическаго исповѣданія не можетъ быть допущено къ избранію въ попечители православнаго прихода, съ чѣмъ прихожане повидимому и согласились было, и, во 2-хъ, то, что прихожане соглашались на увольненіе отъ должности прежнихъ членовъ попечительства и на избраніе новыхъ, если только предсѣдателемъ послѣдняго будетъ избранъ помѣщикъ Яловицкій (Рапортъ секретаря Подольской консисторіи г. Оберъ-Прокурору Св. Синода отъ 15 іюня 1898 г. за № 308). Дѣйствительно, въ Высочайше утвержденномъ Положеніи о приходскихъ попечительствахъ при православныхъ церквяхъ нѣтъ указанія какъ на то, что епархіальный архіерей имѣетъ право отстранять отъ должности выборныхъ попечителей прихода—онъ только принимаетъ къ свѣдѣнію ихъ выборъ,—такъ и на то, что права и званіе приходскаго попечителя (ст. 15) должны быть возлагаемы непременно на лицо православнаго исповѣданія въ томъ случаѣ, когда учрежденіе попечительства изъ *нѣсколькихъ выборныхъ* членовъ, которые должны быть непременно православные (ст. 1), оказывается непримѣнимымъ. Но теперь не трудно архіерею оберегать церковное имущество отъ попечителей: когда же законодательнымъ порядкомъ утвержденъ будетъ проектъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, въ силу котораго участковые попечители выбираются земствомъ, тогда безъ судебного процесса нельзя будетъ обойтись въ подобномъ вышеописанному случаѣ.

Нужно ожидать, что эти дѣла будутъ отличаться отъ дѣла г. Лесевича, бывшаго въ Сенатѣ и поддерживаемаго уѣзднымъ земствомъ, только тѣмъ, что то дѣло было по школьному вопросу, а эти—по во-

просу объ общественномъ призрѣніи: сущность вездѣ одна — ослабленіе и, можно, сказать разрушеніе православнаго прихода во всѣхъ его управленіяхъ его врагами, — и не столько врагами, сколько убѣжденными теоретиками — будутъ ли это славянофилы, или позитивисты, или политиканы-поляки, притомъ дѣйствующіе въ предѣлахъ закона и на его основаніи, какъ это легко понять изъ дѣла г. Лесевича. Дѣло это не есть исключительное, а только выдающееся среди другихъ подобныхъ дѣлъ и воспроизведено здѣсь потому, что имѣлись въ виду оффиціальныя бумаги, давшія возможность документально показать то, что въ сущности происходитъ едва ли не въ каждомъ уѣздѣ, гдѣ есть земство: разность только въ деталяхъ и въ степени напряженности. Въ чемъ именно выразится давленіе на приходъ попечительствъ объ общественномъ призрѣніи — теперь трудно и предвидѣть, точно такъ же какъ трудно было предвидѣть судьбы открывавшихся духовенствомъ школъ при учрежденіи приходскихъ попечительствъ и при изданіи Положенія о начальныхъ училищахъ 1864 года: духовенство поднимало духъ народа, открывало попечительства, послѣднія, при пособіи въ иныхъ мѣстахъ отъ церкви, строили зданія для школъ. Но духовенство тогда только поняло, для кого и для чего оно старалось и тратились церковныя деньги, когда, съ изданіемъ Положенія о начальныхъ училищахъ 1874 г., всѣ устроенныя попечительствами школы оказались земскими; не старайся духовенство, не было бы и вопроса о земскихъ школахъ, такъ какъ ихъ земство не построило бы.

Необходимость воз-
становленія и воз-
можность организаціи
приходскаго призрѣ-
нія, удовлетворяющей
цѣлямъ индивидуали-
заціи въ благотвори-
тельности.

Изъ представленія Министра Внутреннихъ Дѣлъ Государственному Совѣту и изъ матеріаловъ, къ нему приложенныхъ, можно ясно уразумѣть, что только съ введеніемъ въ жизнь проекта, нынѣ представляемаго на уваженіе Государственнаго Совѣта, можно будетъ понять добро или зло онъ принесетъ Россіи. «Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, сказано въ отдѣлѣ соображеній, полагаетъ, что создать въ настоящее время такую *полную* законодательную систему, которая въ наиболѣе совершенной формѣ удовлетворяла бы всѣ потребности общественнаго призрѣнія, едва ли возможно. Кромѣ того, въ области законодательныхъ мѣръ, распространяющихся на самыя глухія мѣстности Имперіи, усилѣхъ можетъ оказаться обезпеченнымъ лишь тогда, когда эти мѣры строго согласованы, во 1-хъ, съ дѣйствующимъ законодательствомъ въ другихъ соприкасающихся областяхъ, а во 2-хъ, съ народными воззрѣніями на дѣло, ими разрѣшаемое. Между тѣмъ, согласованіе съ дѣйствующимъ законодательствомъ новой полной системы общественнаго призрѣнія трудно достижимо, главнымъ образомъ потому, что призрѣніе затрогиваетъ едва ли не всѣ части дѣйствующаго Свода и особенно законы, касающіеся союза родственнаго, сословной организаціи, общественнаго и вообще мѣстнаго управленія, податнаго дѣла и системы мѣстныхъ финансовъ, *церковно-приходской организаціи*, части медицинской и т. д. Всѣ эти части управленія имѣютъ непосредственное отношеніе къ общественному призрѣнію и при разсмотрѣніи полной системы его неминуемо должны подвергнуться пересмотру, если не во всемъ объемѣ, то въ нѣкоторой части своей. Точно также затруднительно созданіе полнаго закона о призрѣніи въ соотвѣтствіи съ народными воззрѣніями на него, такъ какъ нашъ опытъ въ этомъ отношеніи даетъ лишь *весьми скудные* и крайне недостаточные для какихъ-либо обобщеній *матеріалы*. Такъ приходится отмѣтить почти полное отсутствіе свѣдѣній о практикующихся населеніемъ способахъ призрѣнія, статистическихъ данныхъ о числѣ нуждающихся, о тѣхъ или другихъ категоріяхъ ихъ, о распредѣленіи по территоріи государства, о формахъ и видахъ призрѣнія въ каждой мѣстности, о суще-

ствующихъ частныхъ обществахъ, сословныхъ и государственныхъ, всѣхъ вѣдомствъ, заведеній для призрѣнія и т. д. На эти препятствія натолкнулась и Коммиссія статсъ-секретаря Грота при обсужденіи обширной программы своихъ занятій и, *не смотря на всѣ принятыя ею мѣры, не могла восполнить обнаруженные пробѣлы*» (стр. 147 и 148). Въ этихъ словахъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ нельзя не видѣть его признанія, что задачи, возложенныя на Коммиссію статсъ-секретаря Грота, не выполнены по двумъ причинамъ: во 1-хъ, по *незнанію* русской дѣйствительности въ той ея области, гдѣ должны быть примѣнены законы, для составленія коихъ образована была Коммиссія, и во 2-хъ, *изъ опасенія*, при такомъ незнаніи, выработаннымъ и проведеннымъ въ жизнь законопроектъ вызвать *переворотъ* въ исторически сложившемся гражданскомъ и церковномъ бытѣ Россіи, такъ какъ пришлось бы коснуться едва ли не всѣхъ частей дѣйствующаго Свода Законовъ и даже того, о чемъ и не говорить этотъ Сводъ, т. е. церковно-приходской организаціи. Казалось бы, натолкнувшись на такія препятствія, слѣдовало *остановиться* и заняться *изученіемъ* русской дѣйствительности не только въ ея современномъ видѣ, но и въ ея историческомъ развитіи, такъ какъ правильное пониманіе русской современности возможно только при тщательномъ изученіи нашего прошлаго. Однако Министерство на путь изученія не вступило и, довольствуясь сдѣланнымъ Коммиссіею статсъ-секретаря Грота и образованнымъ при ней бюро, признало цѣлесообразнымъ обойти препятствія, на которыя натолкнулась Коммиссія при выполненіи своей программы. Ограничивая поэтому свою задачу предѣлами строгой необходимости и тѣми частями законовъ о призрѣніи, которыя не представляютъ непреодолимыхъ практическихъ затрудненій, при пересмотрѣ ихъ, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ пришелъ къ заключенію, что «можно подвинуть впередъ и поставить дѣло призрѣнія на болѣе прочныя основанія, довольствуясь въ настоящее время лишь во 1-хъ, устраненіемъ уже обнаруженныхъ въ законодательствѣ несостоятельности, во 2-хъ, *замной* ихъ и *дополненіемъ* положеніями съ болѣе точнымъ опредѣленіемъ основныхъ началъ, исторически сложившихся въ дѣлѣ призрѣнія и намѣченныхъ самою жизнію, и въ 3-хъ, *установленіемъ органовъ*, на которые слѣдуетъ возложить приведеніе этого плана въ исполненіе. Предлагаемый законопроектъ служить выраженіемъ именно этого взгляда по настоящему дѣлу (стр. 148 и 149).

Законопроектъ этотъ не большой: онъ главнымъ образомъ излагаетъ права и обязанности новыхъ органовъ общественнаго призрѣнія въ Россіи, при участіи которыхъ и выработано будетъ новое законодательство объ общественномъ призрѣніи, какимъ способомъ выполнена будетъ задача, для рѣшенія которой учреждена была Коммиссія статсъ-секретаря Грота. Земскія и городскія учрежденія, поставленныя у дѣла попеченія объ общественномъ призрѣніи, дадутъ опытъ для *полнаго* законопроекта по этому дѣлу. «Подобная работа совершается вѣками, говоритъ Министръ, и не мыслима въ ближайшемъ будущемъ» (ibid. стр. 148). Когда Государственнымъ Совѣтомъ будетъ принято и Высочайше утверждено предположеніе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ произвести опытъ общественной благотворительности съ индивидуализаціею, имѣющею со-временемъ дать намъ полную систему общественнаго благотворенія, уѣздныя земства и городскія думы должны будутъ подѣлить всю Россію на участки въ такихъ размѣрахъ, «чтобы дѣятели участковыхъ попечительствъ могли лично знать всѣхъ нуждающихся и лично изслѣдовать всѣ ихъ нужды», какъ требуетъ того Эльберфельдская система. Дѣятели, очевидно, наберутся по способу, принятому въ Москвѣ и выше описанному; они будутъ носить на груди серебряные

значки по рисунку, Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ утвержденному, какъ вышнее отличіе отъ лицъ, не принимающихъ активнаго участія въ дѣлахъ помощи ближнимъ, т. е., отъ лицъ, благотѣлствующихъ безъ индивидуализаціи. У этихъ попечителей и членовъ совѣта попечительства будутъ сотрудники, какъ и заведено уже въ Москвѣ. Дѣятелей и дѣла у Эльберфельдскихъ благотворителей православной Руси будетъ много. «Въ мѣстныхъ участковыхъ попечительства, говорить Министръ, долженъ быть открытъ широкій доступъ всѣмъ лицамъ, желающимъ и могущимъ работать на пользу ближнихъ», независимо отъ пола, сословія и вѣроисповѣданія. «Единственно возможный въ этомъ отношеніи цензъ—это право распоряжаться собою и своими средствами, т. е. совершеннолѣтіе» (Предст. стр. 204 и 205). Члены участковыхъ попечительствъ «обязаны, говорить законопроектъ, «обнаруживать всѣ случаи нужды и принимать всѣ письменныя и устные заявленія о помощи, немедленно *производить* по нимъ *разсѣдованія*, устанавливать размѣръ и родъ помощи, и лицамъ, *подлежащимъ* призрѣнію отъ *земствъ* и *городовъ*, оказывать таковую; прочимъ же лицамъ помощь оказывается, во 1-хъ, въ случаяхъ, нетерпящихъ отлагательства, а во 2-хъ, при наличности для того средствъ» (доп. IV, ст. 5, п. а); участковыя попечительства обязываются наблюдать за употребленіемъ нуждающимися выданныхъ имъ пособій и т. д., какъ требуетъ того Эльберфельдская система.

«Министръ Внутреннихъ Дѣлъ проектируетъ возложить на сословія, если они организованы и имѣютъ свои сословныя управленія, обязанности по призрѣнію и вмѣстѣ съ тѣмъ полагаетъ *обязать крестьянскія, мѣщанскія и ремесленныя общества* только тѣми *простѣйшими видами призрѣнія*, которыя могутъ быть оказываемы ими на мѣстахъ, собственными силами, при наличности тѣхъ культурныхъ условій, которыми въ данное время располагаютъ такого рода общества. При такомъ разрѣшеніи вопроса, всѣ *сложныя виды призрѣнія*, какъ на прим. уходъ за умалишенными, леченіе больныхъ и прочее, отойдутъ отъ сословныхъ обществъ и лягутъ на болѣе крупныя и состоятельныя организаціи—*земскія* и *городскія*» (Предст. стр. 186). Итакъ, почти все останется, по крайней мѣрѣ на первое время, по старому, каждое сословіе будетъ призрѣвать своихъ безпомощныхъ тѣмъ способомъ, какой для него обыченъ и потому наиболѣе удобенъ: кажущееся облегченіе послѣдуетъ только для крестьянскаго, мѣщанскаго и ремесленнаго сословія въ томъ отношеніи, что у нихъ не будетъ больничныхъ недоимокъ за призрѣніе въ земскихъ и городскихъ больницахъ, домахъ умалишенныхъ, исправительныхъ и тому под. заведеніяхъ лицъ, принадлежащихъ къ этимъ сословіямъ. При введеніи разыскиванія попечителями нуждающихся въ помощи, понадобится увеличить число больницъ и домовъ для умалишенныхъ и т. д., а это поведетъ къ увеличенію налоговъ, которые своею тягостію падутъ и на крестьянскія, мѣщанскія и ремесленныя общества. Есть деревни, сплошь страдающія сифилисомъ; по свойству этой болѣзни требуется *большинное* лѣченіе; построятъ ли земства и города особыя для сифилитиковъ больницы? Если нѣтъ,—въ чемъ сомнѣваться нельзя,—то для чего нужно изслѣдованіе попечителей и ихъ непрошенное вмѣшательство въ общественныя, семейныя и личныя дѣла крестьянъ, мѣщанъ и ремесленниковъ? Умалишенныхъ, на прим., теперь скрываютъ, когда ихъ можно скрыть, т. е., когда они страдаютъ тихимъ помѣшательствомъ и живутъ среди общества безъ вреда для него, буйныхъ же умалишенныхъ скрыть нельзя, ихъ и представляютъ въ дома умалишенныхъ. Не легче ли было бы для платящихъ земскіе налоги и не проще ли было бы только узаконить, чтобы за содержимыхъ (буйныхъ) въ домахъ умалишенныхъ не требовать платы отъ обществъ, а страдающихъ тихимъ

помѣшательствомъ оставить среди ихъ родныхъ и обществъ, къ которымъ они принадлежатъ; вмѣсто же проектируемой индивидуализаціи позаботиться объ открытіи богадѣленъ въ волостяхъ, гдѣ бы могли быть помѣщаемы «скорбные люди» на попеченіи волости, если только эти «скорбные» не требуютъ тѣхъ «сложныхъ видовъ призрѣнія», стоимость которыхъ, по предположенію Министра, ляжетъ на болѣе крупныя и состоятельныя организаціи—земскія и городскія; а также позаботиться о созданіи условій для организаціи приходской благотворительности, въ тѣхъ видахъ, чтобы по возможности остановить выдачею пособій постоянно увеличивающійся переходъ бѣдныхъ хозяевъ въ разрядъ совершенно неимущихъ или нищихъ. Священникъ и прихожане знаютъ такихъ бѣдныхъ своего села на перечетъ и, безъ земскихъ разыскивателей и изслѣдователей примѣнять къ нимъ принципы индивидуализаціи, за которую такъ стоитъ Московскій профессоръ Герье.

Повидимому, надежнѣе было бы отложить повсемѣстное введеніе въ Россіи Эльберфельдской системы попечительства и, согласно вышеприведенному мнѣнію Харьковскаго профессора Д. И. Багалѣя о «шпиталяхъ» и церковно-приходскихъ школахъ, «поддерживать то, что создано было самимъ народомъ, въ его духѣ и традиціи, и не насаждать такихъ учреждений, которыя могутъ показаться ему чуждыми и непонятными»; а таковыми, несомнѣнно, покажутся православному русскому народу порядки общественнаго призрѣнія по названной системѣ. Для Православія и для русскаго народа, особенно для крестьянства, безразлично, кто бы ни завѣдывалъ домами умалишенныхъ, больницами и другими «сложными видами общественнаго призрѣнія»—земство ли, городъ ли, Красный ли Крестъ, или особое государственное учрежденіе. Для православной Россіи важно только то въ дѣлѣ общественнаго призрѣнія, чтобы церковный приходъ, со всѣми свойственными его природѣ отправлениями, дѣйствовалъ самостоятельно, подъ вѣдѣніемъ только церковной власти и подъ охраною власти государственной. Достаточно, кажется, выяснено, что приходская благотворительность не развилась, по освобожденіи крестьянъ, въ надлежащей мѣрѣ не потому, что приходъ въ настоящее время неспособенъ къ этого рода дѣятельности, а потому, что законъ 1864 года о приходскихъ попечительствахъ при православныхъ церквяхъ препятствовалъ ея развитію. Устраните эти препятствія, и приходская благотворительность въ православной Россіи такъ же расцвѣтетъ, какъ расцвѣла она въ Малороссіи въ XVII вѣкѣ, по свидѣтельству Павла Алепскаго, хотя, понятно, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, согласно измѣнившимся обстоятельствамъ и нѣсколько инымъ условіямъ современнаго быта. Въ доказательство этого можно указать на приходскія попечительства въ неземскихъ губерніяхъ.

Въ трудахъ Коммиссіи статсъ-секретаря Грота, а именно въ брошюрѣ («Нѣкоторыя данныя о состояніи общественнаго призрѣнія въ Россіи») члена-дѣлопроизводителя оной Евг. Максимова, приходская благотворительность въ неземскихъ губерніяхъ какъ бы заподозривается и умаляется. Губернаторы показали въ 16 неземскихъ губерніяхъ 536 приходскихъ попечительствъ съ 24.734 призрѣваемыми. «Не подвергая, говоритъ г. Максимовъ, сомнѣнію самое существованіе этихъ попечительствъ, нельзя однако не обратить вниманіе на то, что каждое изъ нихъ оказываетъ пособіе *только 46 лицамъ*, тогда какъ благотворительныя общества тѣхъ же губерній, сходныя по своимъ цѣлямъ съ приходскими попечительствами, оказываютъ пособіе въ среднемъ каждое 534 лицамъ, а такія же общества въ земскихъ губерніяхъ помогаютъ каждое 3.707 нуждающимся». «Отсюда очевидно, заключаетъ г. Максимовъ, что весьма незначительная дѣятельность приходскихъ попечительствъ, не смотря на относительно большое число ихъ, не можетъ замѣнить собою дѣятель-

ность земских и частных учреждений» (стр. 13). Трудно понять значение и цель такого вывода, как будто кто-нибудь думает о такой замѣнѣ. И тѣ, и другія учрежденія существуютъ, какъ и приходскія попечительства, на законномъ основаніи, и всѣ они нужны и въ будущемъ: дома умалишенныхъ, больницы и другіе «сложные виды призрѣнія» непосильны для приходскихъ попечительствъ и даже для православныхъ братствъ; почти всѣ частныя благотворительныя общества помогаютъ только городскимъ бѣднякамъ, независимо отъ ихъ національности и вѣроисповѣданія, а приходскія попечительства существуютъ главнымъ образомъ въ селахъ и только для православныхъ; здѣсь благотворительность церковно-приходская, а тамъ гуманно-космополитическая. Думается, принимая во вниманіе отмѣченное выше принципиальное разногласіе среди членовъ Комиссіи статсъ-секретаря Грота относительно «исходной точки зрѣнія» на дѣло, что въ самой Комиссіи были защитники церковно-приходской благотворительности, которыхъ и имѣетъ въ виду г. Максимовъ въ своемъ заключеніи о благотворительности приходскихъ попечительствъ въ 16 неземскихъ губерніяхъ. Оспаривать цифрами сужденія г. Максимова о дѣятельности приходскихъ попечительствъ, равно какъ и нѣкоторые другіе выводы и объясненія, изложенныя въ названной брошюрѣ, невозможно, такъ какъ статистическія данныя, заключающіяся въ двухъ, приложенныхъ къ ней, сводныхъ вѣдомостяхъ, изъ коихъ въ одной помѣщены свѣдѣнія по 28 земскимъ губерніямъ, а въ другой свѣдѣнія по 16 неземскимъ губерніямъ, страдаютъ неполнотою и другими крупными недостатками, признаваемыми и самимъ авторомъ; но и довѣрять объясненіямъ и выводамъ г. Максимова нельзя, по такимъ соображеніямъ:

а) Нельзя назвать правильнымъ статистическимъ приемомъ сравненіе, сдѣланное г. Максимовымъ, дѣятельности 536 приходскихъ попечительствъ съ дѣятельностью 55 благотворительныхъ обществъ въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ 16 неземскихъ губерній: городъ — не приходъ, а нѣсколько приходовъ, и сравнивать часть съ цѣлымъ не годится. При томъ же и по количеству жителей, и по соотношенію числа богатыхъ къ числу бѣдныхъ и нищихъ, и по величинѣ богатства, и по виду и качествамъ помощи бѣднотѣ, городъ и приходъ не соизмѣримы. Это организмы разные и имѣютъ отправленія несходственныя. И если взять во вниманіе, что городской православный приходъ югозападныхъ губерній состоитъ среднимъ числомъ изъ 1000 душъ, однако его попечительство благотворительствуетъ среднимъ числомъ 46 бѣднымъ прихожанамъ, то нельзя будетъ не признать его услугъ этому маленькому обществу весьма значительными, а благотворительную дѣятельность 536 попечительствъ въ такомъ же числѣ приходовъ, выражающуюся пособіемъ почти 25 т. бѣдныхъ, очень почтенною. Чтобы составить такое же, т. е. отчетливое сужденіе о дѣятельности 55 благотворительныхъ обществъ въ 16 неземскихъ губерніяхъ, для этого необходимо прежде всего знать число жителей въ тѣхъ городахъ, въ которыхъ они дѣйствуютъ; но такого свѣдѣнія въ трудѣ г. Максимова не имѣется: въ «сводной вѣдомости» не названы даже тѣ 16 губерній, въ которыхъ существуютъ эти общества, оказывающія пособіе 29.400 бѣднымъ. И если принять каждый изъ 55 городовъ въ 10.000 жителей (а меньшихъ въ Юго-Западномъ краѣ и нѣтъ) и раздѣлить 29.400 призрѣваемыхъ между ними, то только тогда получится правильный выводъ о дѣятельности зарегистрированныхъ обществъ, но онъ окажется нежелательнымъ для г. Максимова.

б) Еще болѣе представляется неправильнымъ сравнивать дѣятельность приходскихъ попечительствъ въ городахъ неземскихъ губерній съ дѣятельностью 19 женскихъ благотворительныхъ обществъ въ горо-

*Въ земскихъ селеніяхъ
общества вѣдомостяхъ
и городовъ селеній, а въ
городахъ не бѣдноты, а
богатыхъ и нищихъ*

*Организмъ общины — это
многобратство, многобратство
Грота на самомъ дѣлѣ
приходъ*

дахъ земскихъ губерній: земскія губерніи—коренныя русскія, почти сплошь православныя, а въ городахъ неземскихъ губерній много религіозныхъ общинъ еврейскихъ, католическихъ и лютеранскихъ. Въ 28 земскихъ губерніяхъ несомнѣнно больше, чѣмъ въ неземскихъ 16 губерніяхъ, приходскихъ попечительствъ, какъ такихъ, которыя открываются на основаніи закона 2 августа 1864 г.; такъ и такихъ, которыя открыты на другихъ основаніяхъ; но ни тѣ, ни другія въ «сводныя вѣдомости» не зарегистрированы или по винѣ ихъ составителей (въ разработкѣ матеріала г. Максимова помогали госпожа Т. М.—а и господинъ А. К. фонъ-Клостерманъ, какъ сказано на стр. 18), или по винѣ начальства земскихъ губерній, въ глазахъ котораго приходскія попечительства, можетъ быть, не суть благотворительныя учрежденія. Последнее предположеніе болѣе вѣроятно: въ земскихъ губерніяхъ приходскія попечительства при православныхъ церквахъ не имѣютъ возможности заниматься благотворительностью, такъ какъ средства ихъ идутъ на содержаніе или земскихъ школъ, или церковныхъ, или тѣхъ и другихъ. Въ неземскихъ же губерніяхъ церкви и школы строятся при значительныхъ пособіяхъ изъ государственнаго и синодскаго казначействъ, вслѣдствіе чего для попечительствъ югозападныхъ губерній есть возможность заниматься благотворительностью даже въ сельскихъ приходахъ, а потому въ глазахъ начальства этихъ губерній приходскія попечительства суть несомнѣнно благотворительныя учрежденія. Такъ какъ приходскія попечительства при православныхъ церквахъ своихъ отчетовъ не печатаютъ и, по закону, не обязаны представлять и епархіальному и гражданскому начальству ни на ревизію, ни даже къ свѣдѣнію, то статистики, касающіяся дѣятельности попечительствъ въ приходахъ не городскихъ, и не можетъ быть въ настоящее время. Вотъ почему приходскимъ попечительствамъ, какого бы они рода не были, ведется только счетъ въ Духовномъ Вѣдомствѣ, которое и насчитываетъ ихъ въ Россіи свыше 14.000. Какъ бы то ни было, но сопоставленіе приходскихъ попечительствъ въ городахъ неземскихъ губерній съ женскими благотворительными обществами земскихъ губерній не можетъ быть названо правильнымъ статистическимъ приѣмомъ. Самый же выборъ для сопоставленія изъ числа благотворительныхъ обществъ въ земскихъ губерніяхъ—женскихъ съ 70.456 призрѣваемыми, какъ общество, очевидно, исключительныхъ по числу призрѣваемыхъ, для статистическихъ соображеній непригоденъ настолько же, насколько непригодно было бы сопоставленіе дѣятельности приходскихъ попечительствъ въ неземскихъ губерніяхъ съ обществами въ земскихъ губерніяхъ, зарегистрированными, напримѣръ, подъ № 143-мъ, гдѣ показано 1 общество, призрѣвающее 2 лица, или подъ № 147-мъ, гдѣ зарегистрированы 2 общества, призрѣвающія 2 лица, или подъ № 148-мъ, гдѣ показано 1 общество, которое призрѣваетъ 1 лицо, и т. п. Наконецъ

с) Нельзя не видѣть, что какъ при обработкѣ статистическихъ данныхъ въ названномъ трудѣ г. Максимова, такъ и въ помѣщенныхъ имъ въ Журналѣ Юридическаго Общества статьяхъ, изданныхъ Комиссіею статсъ-секретаря Грота, въ качествѣ матеріала, особою книгою, подъ названіемъ: «Очеркъ земской дѣятельности въ области общественнаго призрѣнія», господствуютъ предвзятые мысли о заслугахъ земства въ этомъ отношеніи. Увлеченіе г. Максимова земствомъ такъ велико, что онъ силится оправдать и очевидные его промахи и недостатки въ дѣлѣ общественнаго призрѣнія. Разработанныя имъ данныя «сводныхъ вѣдомостей» ясно, напримѣръ, говорятъ, что среднее число установленій для призрѣнія въ каждой неземской губерніи относится къ такому же числу такихъ же установленій въ каждой земской губерніи, какъ 54 къ 39. Но г. Максимовъ не сму-

щенъ этимъ досаднымъ для почитателей земства фактомъ, свидѣтельствующимъ, что система Приказовъ общественнаго призрѣнія не такъ плоха, какъ онъ, г. Максимовъ, старался показать въ своихъ статьяхъ. Далѣе, статистическими данными сводныхъ вѣдомостей установлено, что «главными дѣателями *собственно по призрѣнію* являются городскія общественныя управленія, затѣмъ слѣдуютъ частныя лица и общества, и *наконецъ земскія учрежденія*». Г. Максимовъ и этотъ, тоже не очень пріятный для земства, фактъ оправдываетъ тѣмъ, что «заботу о врачебной помощи почти повсемѣстно (кромѣ столицъ и очень крупныхъ городовъ) взяли на себя земскія учрежденія, вслѣдствіе чего городскія общественныя управленія, освобожденные (?) отъ расходовъ на медицинскую часть, могли свободнѣе располагать своими суммами на общественное призрѣніе» (стр. 10), или, какъ нѣсколько ниже объясняетъ этотъ фактъ «тѣмъ *общимъ повышеніемъ во всемъ населеніи общественной самодѣятельности, которое является прямымъ слѣдствіемъ земскаго самоуправленія*. Это послѣднее, принявъ на себя заботы преимущественно о врачебной помощи и поставивъ ее въ общемъ весьма удовлетворительно, освободило городскія и сословныя общества и частныя лица отъ необходимости заботиться о томъ же и открыло имъ тѣмъ самымъ возможность направить свои силы и средства на нужды призрѣнія» (стр. 14). Но такъ ли все это? Не много ли земству приписывается? Не оттого ли земство стоитъ послѣднимъ въ числѣ дѣателей по общественному призрѣнію, что оно относилось къ нему неправильно? Не оттого ли и установленій для призрѣнія въ земскихъ губерніяхъ меньше, чѣмъ въ неземскихъ, что земство и къ имуществу, полученному отъ Приказовъ общественнаго призрѣнія, относилось иногда не надлежаще? Въ прошломъ году Дубенская классическая гимназія, открытая земствомъ въ зданіи богоугоднаго заведенія, праздновала 25-лѣтіе своего существованія. Не отъ подобнаго ли отношенія земства къ дѣлу, ему ввѣренному, и произошло то, что Коммиссіи статсъ-секретаря Грота поручено было дать этому дѣлу другую постановку, «въ виду того, какъ сказано въ Высочайшемъ повелѣніи 22 октября 1892 г., что дѣло общественнаго призрѣнія въ *настоящей его постановкѣ* заключаетъ въ себѣ *коренныя недостатки* и настоятельно требуетъ *обновленія*». Подъ настоящею постановкой дѣла призрѣнія нельзя не разумѣть постановки его во всей Россіи, т. е., какъ въ неземскихъ, такъ и въ земскихъ губерніяхъ. Признано, что оно вездѣ плохо стоитъ, но по свѣдѣніямъ, присланнымъ въ Коммиссію губернскими начальствами, оказывается въ земскихъ губерніяхъ хуже, чѣмъ въ неземскихъ. Толкованія этихъ свѣдѣній могутъ быть разныя, но толки останутся навсегда толками, и ложь должна—рано или поздно—уступить мѣсто истинѣ, т. е. представленіямъ, отвѣчающимъ дѣйствительности. Г. Максимовъ на стр. 7 своего предисловія къ «своднымъ вѣдомостямъ» говоритъ: «въ 28 губерніяхъ, доставившихъ данныя для сводной вѣдомости, расходы губернскихъ и уѣздныхъ земствъ на общественное призрѣніе (за 1891 годъ) превышали, по земскимъ смѣтамъ, 8.000.000 р., тогда какъ *въ вѣдомости зарегистрировано расходовъ* лишь около 5.000.000». Куда же дѣвалось болѣе 3.000.000 р., собранныхъ съ плательщиковъ земскихъ налоговъ на нужды общественнаго призрѣнія? Г. Максимовъ отвѣчаетъ на такой вопросъ какъ статистикъ, рассматривая такую разность между сборомъ на призрѣніе и расходомъ на оное, какъ «цифровой матеріалъ», съ которымъ не умѣло обращаться земство. «Стипендіи и пособія учащимся отнесены нѣкоторыми земствами къ расходамъ на общественное призрѣніе и въ такомъ случаѣ включены въ сводную вѣдомость, другими же они считались въ числѣ тратъ на народное образованіе и не вошли съ соотвѣствующія статьи вѣдомости» (стр. 6). Но, кромѣ

статистической точки зрѣнія на это дѣло, можетъ быть еще и контрольная, и объясненіе г. Максимова на языкѣ контроля будетъ означать, что не зарегистрированные 3.000.000 р. употреблены земствомъ *не по назначенію*. Стипендіи и пособія не выдаются ученикамъ начальныхъ школъ, а воспитанникамъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній; извѣстно же, какъ широко иныя земства пользовались такою благотворительностью. Но, въ сущности, это—злоупотребленіе, такъ какъ общественное призрѣніе имѣетъ своимъ предметомъ нищихъ и убогихъ, а не состоятельныхъ, и земство призвано къ попеченію о начальномъ образованіи, а не о среднемъ и высшемъ народномъ образованіи. Очевидно, какъ бы мы ни разсматривали данныя «сводной вѣдомости» объ общественномъ призрѣніи въ земскихъ губерніяхъ—съ благодушіемъ ли статистика, или со строгостью контролера,—земство оказывается невыполнившимъ своего назначенія въ области общественнаго призрѣнія. Только при искусственномъ освѣщеніи данныхъ, въ сводныхъ вѣдомостяхъ заключающихся, можно дать имъ видъ сколько-нибудь благопріятный для земства, и то только въ глазахъ не вдумчиваго читателя. Зависимость общаго повышенія самодѣятельности въ народонаселеніи земскихъ губерній отъ земскаго самоуправленія требуетъ доказательствъ. Равнымъ образомъ и зависимость «жертвъ, приносимыхъ городскими и сословными обществами и частными лицами на нужды призрѣнія», отъ «заботъ земства о врачебной помощи» народонаселенію—тоже требуетъ объясненія. Жертвы частныхъ лицъ и частныхъ обществъ, приносимыя съ шестидесятыхъ годовъ на нужды призрѣнія, дѣйствительно находятся въ причинной связи съ подъемомъ духа народнаго, но чѣмъ обусловленъ этотъ подъемъ—«нравственнымъ ли вліяніемъ земскаго самоуправленія», какъ утверждаетъ г. Максимовъ, или такими событіями, какъ 19 февраля 1861 г., войны за освобожденіе Сербіи и Болгаріи, смерть Царя-Освободителя и т. п.,—это требуетъ изслѣдованія (здѣсь однако неумѣстнаго); на вѣру же принимать слова г. Максимова представляется неудобнымъ при разрѣшеніи въ пользу земства вопроса: кому поручить ближайшее руководство и наблюденіе за дѣломъ общественнаго призрѣнія въ Россіи?

Кто это
отрицает?

Вопросъ объ общественномъ призрѣніи въ Россіи—вопросъ очень сложный и не настолько изученный Коммиссіею статсъ-секретаря Грота, чтобы его можно было разрѣшить всецѣло и безошибочно теперь же. Изъ отзывовъ земствъ и городовъ открывается, что самый терминъ «общественное призрѣніе» у насъ не вездѣ одинаково понимается: въ однихъ мѣстахъ онъ понимается шире, а въ другихъ уже. Установленія, зарегистрированныя въ сводныхъ вѣдомостяхъ подъ 173 номерами въ 28 земскихъ и подъ 41—номеромъ въ 16 неземскихъ губерніяхъ, г. Максимовъ подводитъ подъ 7 категорій. Ради удобства они могутъ быть здѣсь сведены въ три неравныя группы. Первую составляютъ тѣ установленія, которыя касаются медицинской помощи и вообще народнаго здравія, вторую составляетъ—въ узкомъ смыслѣ призрѣніе, а третью—предупрежденіе обѣднѣнія и взаимопомощь. Земству полюбилась врачебная помощь народу, и оно поставило ее «въ общемъ, какъ говоритъ г. Максимовъ, весьма удовлетворительно»; въ другихъ же видахъ призрѣнія оно стоитъ на послѣднемъ мѣстѣ. Благоразумнымъ представляется и оставить за нимъ медицинскую часть, въ виду громадныхъ суммъ, требующихся на поддержаніе достигнутой удовлетворительности. Затѣмъ призрѣніе въ узкомъ смыслѣ этого слова, т. е., помощь дряхлымъ, увѣчнымъ, слѣпымъ и вообще требующимъ призрѣнія въ богадѣльнѣ, пріютѣ и т. п., а не въ семьѣ и у родныхъ,—слѣдовало бы отнести, какъ и предполагаетъ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ и какъ отчасти оно и на дѣлѣ

существуетъ, къ обязанности того сословнаго общества, къ которому каждый изъ таковыхъ принадлежитъ. Дворянство устроитъ свои богадѣльни и пріюты; каждая епархія имѣетъ свое попечительство о бѣдныхъ духовнаго званія. Крестьянская волость или, въ случаѣ нужды, нѣсколько волостей могутъ устроить одну богадѣльню для своихъ увѣчныхъ и безпріютныхъ; возлагать эту обязанность на каждое сельское общество—излишне: Лубенское Спасо-Преображенское братство, имѣющее въ уѣздѣ 25 отдѣленій, приступая къ устройству приходской благотворительности, собирало свѣдѣнія о числѣ лицъ крестьянскаго сословія, требующихъ богадѣленнаго призрѣнія въ каждомъ приходѣ; таковыхъ въ 25 приходахъ (а въ нѣкоторыхъ приходахъ нѣсколько сельскихъ обществъ) оказалось всего 15. Требующіе богадѣленнаго и пріютскаго призрѣнія мѣщане и ремесленники остаются на попеченіи своихъ обществъ, а въ случаѣ бѣдности сихъ обществъ, или ненужности богадѣльни для нихъ (если 1 или 2 безпріютныхъ),—на попеченіи городскихъ общественныхъ учреждений. Остается третья, по терминологіи г. Максимова, группа установленій общественнаго призрѣнія, называемая имъ «предупрежденіе обѣдненія и взаимопомощь».

Такихъ установленій призрѣнія въ неземскихъ губерніяхъ по сводной вѣдомости не существуетъ. *Земства*, какъ губернскія, такъ и уѣздныя, зарегистрированы въ сводной вѣдомости въ числѣ установленій для предупрежденія обѣдненія подъ №№ 24, 25, 26 и 49, съ указаніемъ на помощь переселенцамъ; но сколько такихъ земствъ, сколькимъ переселенцамъ и на какую сумму они оказали призрѣніе—неизвѣстно; въ соответственныхъ графахъ вездѣ напечатано: «свѣдѣній не доставлено». Въ числѣ установленій *городскихъ общественныхъ учреждений* показано 12 капиталовъ въ губернскихъ городахъ въ общей сложности 389.907 р., а въ уѣздныхъ—21 капиталъ въ общей сложности 299.470 р.; въ числѣ ихъ есть капиталы: на уплату налоговъ за бѣдныхъ, на пособія и приданое бѣднымъ дѣвицамъ мѣщанскаго, купческаго и другихъ сословій, и ссудо-благотворительный, изъ какихъ названій можно заключать, что это жертвы не города, а православныхъ русскихъ купцовъ. Въ числѣ *сословныхъ* установленій показаны только капиталы: въ уплату податей за бѣдныхъ мѣщанъ, на приданое мѣщанкамъ и на продовольствіе бѣдныхъ мѣщанъ, всего 80.408 р. Въ числѣ *частныхъ* установленій показано въ однихъ губернскихъ городахъ 9 установленій для предупрежденія обѣдненія съ капиталами на 38.314 р. Странно встрѣтить въ русскихъ сословныхъ капиталахъ капиталъ для поощренія евреевъ-земледѣльцевъ Сиріи и Палестины, величина котораго не показана въ вѣдомости. Если далѣе обратить вниманіе на установленія, отнесенныя вѣдомостью къ установленіямъ по призрѣнію въ собственномъ смыслѣ, то здѣсь можно встрѣтить не мало чисто религіозныхъ благотворительныхъ установленій: церковно-благотворительный капиталъ въ 13½ тысячъ, а изъ инославныхъ—богадѣльня евангелическая, богадѣльня еврейская, домъ милосердія для лютеранъ, караимское благотворительное общество и т. д. Замѣчательно еще то, что по своднымъ вѣдомостямъ въ *сельскихъ поселеніяхъ* «число заведеній, учреждений, капиталовъ и случаевъ призрѣнія» до того ничтожно, особенно въ земскихъ губерніяхъ, что если бы признать эти вѣдомости отвѣчающими дѣйствительности, то можно было бы сказать, что благотворительность въ сельскихъ православныхъ приходахъ отсутствуетъ: инославныя благотворительныя учрежденія, отвѣчающія нашимъ приходскимъ, показаны какъ въ городахъ, такъ и въ селахъ, а въ православныхъ селахъ стоятъ почти исключительно такія, какъ инвалидные дома, общежитія при учебныхъ заведеніяхъ, больницы и лѣчебницы, богадѣльни старообрядцевъ, пріемные покои и сиротскіе дома, короче—не церковно-приходскія. Между

тѣмъ и въ православныхъ приходахъ несомнѣнно существуетъ благотворительность, и иногда—въ видѣ взаимопомощи и предупрежденія отъ обнищанія.

Есть свѣдѣнія, что нѣкоторыя изъ приходскихъ попечительствъ при православныхъ церквяхъ, особенно въ тѣхъ приходахъ, гдѣ были братства, т. е. югозападныхъ и западныхъ губерній, положили основаніе самопомощи, имѣя небольшіе оборотные капиталы, изъ которыхъ выдаются пособія и ссуды бѣднякамъ своего прихода или безпроцентно, или изъ небольшого процента, что тоже должно быть считаемо за пособіе. Можно, кажется, безошибочно думать, что приходское попечительство при церкви с. Баштанкова, Подольской епархіи, домогавшееся, какъ выше сказано, отдѣлить часть церковной казны въ пользу попечительства, имѣло въ виду дать этимъ деньгамъ подобное назначеніе. Въ нѣкоторыхъ старинныхъ поселеніяхъ Малороссіи и до нашихъ дней сохранились братства съ чисто хозяйственною подкладкою. Въ м. Вороньковѣ, напр., Переяславскаго уѣзда, Полтавской губ., по числу пяти его концевъ, существуетъ пять братствъ; братчики каждаго изъ нихъ имѣютъ свою братскую икону; стоящую въ приходской церкви, имѣютъ свой братскій праздникъ и, особую отъ церковной, братскую казну, которую и употребляютъ, главнымъ образомъ, на общія хозяйственныя предпріятія, т. е. такія, въ которыхъ заинтересованы всѣ братчики: наймутъ, напр., на братскія деньги у сосѣдняго помѣщика большой сѣнокосъ, общими силами уберутъ сѣно и, продавъ часть его для возвращенія, иногда съ избыткомъ, денегъ въ братскую *скрынку*, и для расходовъ въ братскіе праздники, остальное подѣлятъ между собою, по числу работавшихъ. Но такихъ исконныхъ братствъ мало; большинство ихъ закрылось одновременно съ другими видами братствъ, по введеніи откуповъ на хлѣбное вино въ Малороссійскихъ губерніяхъ. Память о братствахъ въ народѣ есть; приходское духовенство можетъ ихъ воскресить при благопріятныхъ обстоятельствахъ и дать имъ, согласно съ новыми условіями народной жизни, надлежащее направленіе: въ 25 приходахъ Лубенскаго уѣзда онѣ и открыты въ послѣдніе 10 лѣтъ съ цѣлями какъ благотворительными, такъ главнымъ образомъ съ цѣлями просвѣтительными. Что же касается Великороссійскихъ губерній, то и въ нихъ, не смотря на то, что здѣсь не было братствъ въ томъ видѣ, какъ въ Малороссіи, есть въ приходахъ *почва*, на которой—въ формѣ ли братствъ, или въ формѣ (преобразованныхъ) попечительствъ—можетъ развиваться приходская благотворительность, имѣющая цѣлю предупрежденіе обѣдненія и взаимопомощь. По всей Россіи приходскія попечительства, открываемыя по закону 2 августа 1864 года, обыкновенно недолговѣчны; учреждаются они главнымъ образомъ по случаю построенія и капитальныхъ ремонтовъ приходскихъ церквей, въ качествѣ строительныхъ комитетовъ, выполнивъ же эту свою задачу, обыкновенно сами собою закрываются; если же какое нибудь попечительство продолжаетъ существовать и послѣ этого, въ приходѣ же нѣтъ школы, то это явный знакъ, что оно обратилось въ общество самопомощи, но не приходской самопомощи, имѣющей указанную закономъ цѣль—помощь бѣднымъ, а такой самопомощи, отъ которой бѣднымъ прихода нѣтъ никакой пользы: деньги попечительства, получаемыя имъ отъ своеобразнаго самообложенія (конецъ ст. 6 Положенія 2 августа 1864), отъ имущества, находящагося въ его распоряженіи, изъ попечительской кружки и т. п., идутъ на оборудованіе дѣлъ, выгодныхъ только для попечителей, но не для церкви, не для приходскихъ бѣдныхъ, не для приходскаго духовенства. Не только изъ прежнихъ, но и изъ производящихся въ Св. Синодѣ дѣлъ (дѣло о Симферопольскомъ, напр., попечительствѣ при Петро-Павловской церкви, дѣло по жалобѣ на епархіальное началь-

Свѣдѣнія по поводу
отъ Н. К. в. в. в. в.
прогнано нехорошо

ство председателя приходского попечительства, состоящего вмѣстѣ съ тѣмъ и церковнымъ старостою въ с. Островѣ, Егорьевскаго уѣзда, Рязанской епархіи, ученаго управителя Ивана Дашкова; дѣло по ходатайству Московской Городской Думы объ утвержденіи проекта положенія о приходскихъ попечительствахъ въ городѣ Москвѣ и т. п.) нельзя не усмотрѣть, что существуетъ попытка возвратить; при помощи закона 2 августа 1864 г., церковно-приходское хозяйство къ такимъ порядкамъ, къ измѣненію которыхъ приступлено было еще въ древней Руси церковною и государственною властію, въ виду ихъ несоотвѣтствія нуждамъ и пользамъ Церкви и государства. Церковныхъ попечительствъ древняя Русь не знала, церковное хозяйство въ приходѣ велъ выборный церковный староста, дававшій отчетъ только передъ прихожанами, какъ теперь даютъ, по закону, попечители въ своихъ дѣйствіяхъ только общему собранію прихода. Къ какимъ послѣдствіямъ велъ этотъ первобытный порядокъ—легко понять изъ нижеслѣдующихъ выписокъ изъ актовъ, помѣщенныхъ въ т. XII Русской Историч. Библіотеки:

Когда архіепископъ Александръ прибылъ въ недавно открытую Устюжскую епархію, то «вѣдомо ему учинилось, что на Устюгѣ Великомъ и въ Устюжскомъ уѣздѣ у церквей церковныя старосты прежнихъ лѣтъ воруютъ и многую денежную и хлѣбную и сѣнную церковную казну свойственнымъ людямъ и друзьямъ своимъ и хлѣбоядцамъ въ долги, и въ кабалы, и безкабально роздавали многіе тысячи и сами корыстовались», а потому этотъ весьма образованный, по тому времени, и святой жизни архипастырь послалъ своихъ чиновниковъ досмотрѣть «церковныя наличныя и долговые казны», каковыя «посыльщики» «казны досматривали и переписывали съ понами и церковными старосты, и той переписи подали книги и росписи за своими руками. А по тѣмъ книгамъ многихъ старостъ прежнихъ лѣтъ за крестьяны и за ними старосты объявилось, кромѣ Устюга посаду», въ одномъ уѣздѣ Устюжскомъ «денежныя казны *въ раздачу* 7.560 руб. 25 алт. полчетверты денги; хлѣба ржи 1121 четверть и пол-третья четверика, овса 439 четвертей 2 четверика, пшеницы четверть 2 четверика, гороху 2 четверика» (стр. 958), тогда какъ «всего въ Устюжскомъ уѣздѣ,—въ Двинской, и въ Южской и въ Сухонской третяхъ всѣхъ волостей,—у церквей и церковныхъ старостъ *наличной* денежной казны, кромѣ закладовъ, крестовъ и перстней, и кромѣ Устюга посаду», оказалось 2097 руб. 9 алт. 3 денги (стр. 964), т. е. немного менѣе четвертой части всего денежнаго имущества всѣхъ уѣздныхъ церквей, а хлѣбная казна оказалась вся въ раздачу. Ревизія, обнаружившая такое состояніе церковной казны во всей епархіи, возбудила жалобы отъ лица Устюжскихъ всеуѣздныхъ земскихъ старостъ на архіепископа за нарушение существовавшаго обычая въ церковномъ хозяйствѣ и за ихъ отягощеніе. Эти старосты писали, «что у которыхъ церквей отъ деревень, сверхъ строенія податнаго платежу, бываетъ хлѣба и денегъ въ остаткахъ, и тѣхъ волостей *бѣдные* люди для государскихъ податей окупѣ хлѣбъ и деньги и сѣна заимуютъ, а старосты церковныя въ займы даютъ по мірскимъ приговорамъ, и то у нихъ повелось изстари» (стр. 959). Но архіепископъ Александръ, давъ сроки для выбора новыхъ старостъ къ церквамъ, настаивалъ, чтобы вновь выбраннымъ лицамъ внесены были всѣ церковныя деньги и хлѣбъ, бывшіе въ раздачу отъ прежнихъ старостъ, такъ какъ та «церковная казна въ раздачу, по ихъ заручнымъ книгамъ, самымъ *лучшимъ* людямъ, а не скуднымъ крестьяномъ» (ст. 966). «А если бы та церковная казна была не въ расхищеніи, и тою-бъ казною во всемъ Устюжскомъ уѣздѣ мочно построить церкви каменные съ великимъ украшеніемъ» (стр. 960). Кончилась эта тяжба всеуѣздныхъ земскихъ старостъ съ архіепископомъ Александромъ посылкою въ 1689 году

Здесь свѣдѣнныя
названы въ
и въ тѣхъ
приказѣ
хлѣбу

«по Великихъ Государей указу и по боярскому приговору» грамоты Устюжскому воеводѣ, съ прочетомъ, для отдачи преосвященному Александру, архіепископу Великоустюжскому и Тотемскому, въ домовую его казну. Этотъ боярскій приговоръ повелѣваетъ воеводѣ доправить „церковную казну тотчасъ и отдать тѣхъ же церквей новымъ церковнымъ старостамъ и держать на церковное всякое строеніе всякой церкви свою казну порознь, на что понадобится, съ вѣдома преосвященнаго Александра архіепископа, чтобъ впредь тѣхъ церквей въ казнѣ никакого ни отъ кого *ухищренія* отнюдь не было, и старость для вѣдома велѣтъ считать по вся годы, и быть у тѣхъ церквей старостамъ *во всемъ по прежнему*, какъ у нихъ изстари велось, и не послушанія бы никакого преосвященному архіепископу не чинили, и были бы во всемъ послушны» (стр. 967 и 968). Архіепископъ Александръ просилъ царей «велѣтъ бы церковную всякую казну *вѣдать* выборнымъ *церковнымъ старостамъ со священниками вмѣстѣ*» (стр. 966). Но Боярская Дума такую просьбу преосвященнаго прошла молчаніемъ, и нашла удобнѣйшимъ «быть у тѣхъ церквей старостамъ *во всемъ по прежнему*», можетъ быть въ виду того, что священники въ то время набирались въ сельскіе приходы большею частію изъ гулящихъ поповъ, а ввѣрить гулящему челоуѣку церковно-приходское хозяйство очевидно было неудобно,—тогда какъ въ городскихъ церквахъ, на посадахъ, гдѣ священники выбирались изъ посадскихъ же, вполне осѣдлыхъ людей, вѣдать церковную казну поручалось и священникамъ (стр. 42—55). Приговоръ бояръ означалъ, между прочимъ, то, чтобы способъ сохраненія церковной, какъ денежной, такъ и хлѣбной, казны былъ прежній, т. е., чтобы эта казна даваема была *взаимы «скупнымъ крестьяномъ*, на окупъ въ платежъ государскіе казны, въ стрѣлечкіе и въ ямскіе деньги и въ *иные нужные расходы*», чего, впрочемъ, и не касается преосвященный Александръ въ своихъ челобитяхъ, указывая только на то, что церковная казна находилась въ ссудѣ не у скудныхъ крестьянъ, а у лучшихъ людей, очевидно, ссужавшихся въ видахъ большаго обогащенія, а не въ видахъ, какъ признаваемо было полезнымъ государственною и церковною властію, благотворительныхъ. Такой способъ хранения церковно-приходской казны былъ въ то время, можетъ быть, самымъ лучшимъ и надежнѣйшимъ. Церкви во всемъ Устюжскомъ уѣздѣ были, по словамъ архіепископа Александра, деревянные, а потому онѣ были не безопасными хранилищами церковной казны отъ огня и злыхъ людей; раздача же оной по частямъ въ ссуду прихожанамъ можетъ служить залогомъ ея цѣлости, такъ какъ, даже въ случаѣ подобныхъ несчастій съ нѣсколькими заемщиками, она можетъ уменьшиться только въ доляхъ, имъ ссуженныхъ. И не въ одной только Устюжской епархіи и не въ XVII только вѣкѣ, а вездѣ, даже въ XVIII вѣкѣ, въ сельскихъ приходахъ, за рѣдкими исключеніями, церкви были деревянные, а потому исконный способъ береженія церковно-приходской казны, наблюдаемый въ Устюжской епархіи, былъ повсемѣстнымъ въ прежнее время. Когда, въ началѣ XIX вѣка государственная и церковная власть, изыскивая вѣрные и постоянные источники для образованія приходскаго духовенства и снабженія причтовъ постояннымъ жалованьемъ и принимая во вниманіе частныя и крупныя похищенія церковныхъ суммъ, о чемъ съ послѣдней четверти XVIII вѣка начали доставляться изъ епархій подробныя вѣдомости въ Святѣйшій Синодъ, остановилась на рѣшимости потребовать имѣющіеся въ приходскихъ церквахъ остатки суммъ отъ прежнихъ лѣтъ и положить ихъ на храненіе и приращеніе процентами въ государственныя кредитныя учрежденія, то, при приведеніи въ исполненіе такого плана, обнаружилось, что не только въ нѣкоторыхъ приходахъ, но даже въ цѣлыхъ епархіяхъ остатки церковныхъ

суммъ отъ прежнихъ лѣтъ не въ церквахъ хранились, а на рукахъ у прихожанъ, или же числились за обществами, помѣщиками и т. д. Такой порядокъ храненія церковно-приходской казны во многомъ разстроилъ планъ Комитета 1807 года объ улучшеніи умственного и матеріальнаго быта духовенства, и Комиссіи Духовныхъ Училищъ пришлось производить взысканія ссудъ изъ церковно-приходской казны очень долго. Съ Высочайшаго соизволенія Императора Николая I, по докладу Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода князя Мещерскаго о безнадежности нѣкоторыхъ изъ этихъ долговъ, такія дѣла наконецъ были прекращены, и возникла нужда назначать жалованье приходскому духовенству изъ государственнаго казначейства.

Эти факты воспроизводятся здѣсь въ тѣхъ видахъ, чтобы освѣтить ту *почву*, на которой можно посѣять и возрастить приходскую благотворительность. Почва эта залегла въ глубинѣ вѣковъ далеко и плотно: въ началѣ XIX вѣка она оказалась такою же, какою была и въ концѣ XVIII вѣка. Архіепископъ Велико-Устюжскій Александръ, память котораго и теперь чтится въ Устюгѣ, какъ мужа ученаго и святаго, зналъ что дѣлалъ, когда писалъ въ своемъ челобитѣй царямъ: «если бы та церковная казна была не въ расхищеніи, и тою бъ казною во всемъ Устюжскомъ уѣздѣ можно построить церкви каменные съ великимъ украшеніемъ». Кому пришлось быть въ Устюгѣ Великому и проѣхать по селамъ Сухонской, Двинской и Южской третей бывшей Велико-Устюжской епархіи, тотъ, видя каменные церкви архитектуры конца XVII и начала XVIII вѣка, съ великимъ украшеніемъ, не можетъ не признать плодотворности принятыхъ архіепископомъ и одобренныхъ царями и боярскимъ приговоромъ мѣръ къ прекращенію «ухищренія» въ казні церковной со стороны церковныхъ старостъ, которые, «стакався» съ земскими старостами, «церковными казнами корыстовались сами и зъ друзьями и свойственными людьми», а не раздавали, по мірскимъ приговорамъ, въ окупъ государскхъ податей, въ ссуду—скуднымъ крестьянамъ. Эти-то скудные крестьяне, нуждающіеся не въ милостынѣ, а въ матеріальной и нравственной поддержкѣ со стороны Церкви, такъ какъ они — кормильцы своихъ семей, а семья названа въ писаніи домашнею церквію, и государства, такъ какъ они—плательщики податей Великому Государю, а хозяинъ, по выраженію древности, въ своемъ домѣ — хозяйствѣ — государь, — находили до послѣдняго времени въ ссудахъ изъ церковно-приходской казны эту поддержку, какъ говорятъ намъ о томъ сохранившіеся приходо-расходныя церковныя книги и другіе памятники: кто занимаетъ по алтыну, по нѣскольку денегъ, тотъ, очевидно, не богачъ. Поступить въ разрядъ нищихъ—значить кормиться именемъ Христовымъ и ничего не платить государству, иначе—стать вѣнъ государства, хдѣя находиться на его территоріи; скудный же крестьянинъ тянетъ свое тягло, хотя бы сидѣлъ на $\frac{1}{16}$ обжи, или, ослабѣвъ отъ такой скудости мірской земли, половничаетъ на землѣ крупнаго собственника,—каковыми были и приходскія церкви,— съ «подмогою» отъ него, т. е. съ безпроцентною ссудою «до своего сроку», до «выряда» (Рус. Ист. Биб. т. XII, N LIII, стр. 250).

Должно однако признать, что начала приходской благотворительности въ формѣ предупрежденія обнищанія и взаимопомощи обнаруживались всегда не такъ замѣтно, какъ въ формѣ призрѣнія въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. устройства богадѣленъ, сиротскихъ убѣжищъ и т. п.; по крайней мѣрѣ—въ древней письменности, какъ и въ вышеприведенныхъ выпискахъ изъ Устюжскихъ актовъ, говорится главнымъ образомъ о злоупотребленіяхъ началами приходской благотворительности, производимыхъ «лутчими людьми» въ приходѣ, оправдывающими свое «воровство» принципомъ приходской взаимопомощи. И хотя

«злоупотребленіе, по поговоркѣ, употребленію не укорь», однако число и виды злоупотребленій въ области приходской благотворительности до того увеличились къ концу XVIII вѣка, что государственная и церковная власть, какъ выше отмѣчено, въ началѣ XIX вѣка признала за полезное избыткамъ церковно-приходской казны дать другое назначеніе. Къ этому, впрочемъ, вели и другіе поводы и причины. Еще Екатерина Великая, освобождая крестьянъ, жившихъ въ монастырскихъ и церковныхъ вотчинахъ, отъ крѣпостной зависимости, съ высоты трона заявила о своемъ предназначеніи: доходы съ сихъ вотчинъ употребить на образованіе духовенства. Но такъ какъ послѣдовавшія затѣмъ войны и сопровождавшее оныя финансовое разстройство не позволили этому предназначенію осуществиться ни при ней, ни при ея преемникѣ, то такіе сподвижники Александра Благословеннаго, какъ Сперанскій, рѣшились приступить къ оздоровленію церковно-приходской жизни на средства самихъ же приходскихъ церквей, при пособіи изъ государственнаго казначейства. Сосредоточеніе остатковъ отъ прежнихъ годовъ каждой приходской церкви въ Коммисіи Духовныхъ Училищъ, при ежегодномъ пополненіи этихъ суммъ всѣмъ свѣчнымъ сборомъ въ приходскихъ церквахъ (хотя опредѣленнымъ по указу Петра Великаго на устройство богадѣленъ по приходамъ, но невыполнявшимъ такого назначенія) и при значительномъ ежегодномъ пособіи изъ государственнаго казначейства, создало и развиваетъ то великое дѣло, которое можно назвать главнымъ въ обновленіи прихода. Каковъ попъ, таковъ и приходъ, говоритъ старинная пословица. Принять мѣры къ тому, чтобы «гулящіе», или, какъ въ Малороссіи встарину ихъ называли, «дикіе попы» остались только въ воспоминаніи,—значить принять мѣры къ обновленію церковно-приходской жизни назначеніемъ въ приходы священниковъ съ надлежащимъ образованіемъ. Съ освобожденіемъ крестьянъ нужда въ образованномъ духовенствѣ, притомъ надлежаще поставленномъ въ семейномъ и матеріальномъ отношеніяхъ, увеличилась: понадобилась реформа духовно-учебныхъ заведеній, улучшеніе ихъ содержанія, увеличеніе ихъ въ количествѣ, особенно для образованія дочерей духовенства, и въ числѣ учащихся. Испытанная на долготѣнемъ опытѣ финансовая система Коммисіи Духовныхъ Училищъ осталась въ неприкосновенности, только а) свѣчной сборъ съ церквей замѣненъ процентнымъ сборомъ со всѣхъ доходовъ приходскихъ церквей и б) улучшеніе матеріальнаго быта низшихъ, а отчасти среднихъ учебныхъ заведеній, отнесены на мѣстныя средства епархій, т. е. главнымъ образомъ на избытки доходовъ приходскихъ церквей. Очевидно, возстановить приходскую благотворительность въ томъ же видѣ, какъ она существовала въ древней Руси—значило бы оставить путь къ обновленію церковно-приходской жизни, указанный Коммисіею Духовныхъ Училищъ, и обездолить всѣ духовно-учебныя заведенія, если они не будутъ всецѣло взяты на содержаніе государственною казною.

Тѣмъ болѣе этого нельзя сдѣлать потому, что десятки тысячъ церковно-приходскихъ школъ содержатся отчасти на доходы приходскихъ церквей, отчасти же на пожертвованія тѣхъ же прихожанъ, лептами коихъ полнится и церковная казна. Съ изданіемъ Высочайше утвержденного 26 февраля 1896 г. Положенія объ управленіи школами церковно-приходскими и грамоты и съ ассигнованіемъ изъ государственнаго казначейства ежегодныхъ пособій къ содержанію церковныхъ школъ и на содержаніе инспекціи надъ ними, выяснилось, что для того, чтобы оживотворить въ приходѣ церковную школу, составляющую одно изъ природныхъ его отправленій, необходимо идти такимъ же путемъ, какимъ шла Коммисія Духовныхъ Училищъ и теперь идетъ духовное вѣдомство къ полученію и умноженію образованнаго священ-

ства, т. е. совокупными усилиями и средствами казны церковной и государственной. Взять съ приходскихъ церквей, при такихъ условіяхъ, средства для организованія приходской благотворительности, представляется невозможнымъ; это значило бы останавливать развитіе и преуспѣяніе не только церковно-приходской школы, но и духовно-учебныхъ заведеній.

Между тѣмъ организовать приходскую благотворительность представляется и вполне справедливымъ и совершенно необходимымъ. Евг. Максимовъ въ своихъ сводныхъ вѣдомостяхъ отмѣчаетъ благотворительныя вѣроисповѣдныя общества, какъ извѣстно, вездѣ процвѣтающія. Евреевъ въ Россіи милліоны, у нихъ бѣдныхъ мало, а нищихъ почти нѣтъ, такъ какъ у нихъ есть похоронныя братства, кагалы и т. п. Нѣмцевъ у насъ тоже милліоны и между ними бѣдныхъ тоже почти нѣтъ, такъ какъ у нихъ похоронныя и всякія другія вѣроисповѣдныя кассы заведены. Короче—у каждаго инославнаго исповѣданія, терпимаго въ Россіи, есть свои вѣроисповѣдныя установленія общественнаго призрѣнія. У православнаго же простого народа, составляющаго ядро и силу Россіи и, можетъ быть, самую большую податную силу Русскаго государства, общественное призрѣніе возложено закономъ, и дѣйствующимъ и проектируемымъ, на сельскія и волостныя общества, мѣщанскія и ремесленныя сословія, т. е. на гражданскія учрежденія, а не на вѣроисповѣдную единицу православной Россіи: приходское попечительство, по закону 2 августа 1864 года, есть, какъ выше объяснено, неудачная попытка дать самостоятельность приходу, какъ общественному, а не всецѣло церковному учрежденію, съ подчиненіемъ его вліянію не только гражданскихъ властей, но и общественныхъ учреждений, главнымъ образомъ земству, которое по своему составу всевѣроисповѣдное. Справедливо было бы, въ виду отсутствія въ православномъ духовенствѣ клерикализма, освободить приходъ, съ его вышеобъясненными установленіями, отъ создавшейся, при посредствѣ закона 2 августа 1864 года, зависимости отъ всевѣроисповѣдныхъ и сословныхъ учреждений и поставить его подъ вліяніе чисто православныхъ общественныхъ учреждений, каковы православныя братства. Названный законъ отъ попечителей не требуетъ личныхъ пожертвованій, какъ это существуетъ въ православныхъ братствахъ, а только предписываетъ имъ *изыскивать* средства для достиженія указанныхъ въ Положеніи цѣлей, и—случается—они ищутъ ихъ въ казнѣ церкви, при которой попечительство учреждено, въ казнѣ сельскаго общества, даже иногда въ Епархіальномъ Попечительствѣ о бѣдныхъ духовнаго званія (таково попечительство при Петропавловской церкви г. Симферополя). Между тѣмъ нашъ приходъ, особенно сельскій, крайне въ настоящее время нуждается въ приходской благотворительности на такихъ началахъ, какія присущи ему по его природѣ, и въ до-Петровской Руси дѣйствовали. Теперь идетъ переселеніе изъ центра Россіи, особенно изъ густо населенныхъ Малороссійскихъ губерній, православнаго крестьянства на окраины государства. Переселеніе малороссовъ въ Новороссійскій край и въ Тавриду началось еще при крѣпостномъ правѣ. Съ освобожденіемъ крестьянъ оно усилилось и въ послѣднее десятилѣтіе приняло видъ массоваго движенія на Дальній Востокъ. Что-то заставляетъ этихъ крестьянъ бросать родную землю, могилы своихъ предковъ, церкви, въ которыхъ они крестились и нѣжно ими любимыя (переселенцы празднуютъ храмовые дни тѣхъ приходовъ, изъ которыхъ вышли, независимо отъ храмоваго дня своей приходской церкви на поселеніи), и идти въ невѣдомую страну. Какія бы не были причины этого, выгоднаго въ будущемъ для Россіи, почти инстинктивнаго переселенія изъ сердца Россіи на Востокъ, несомнѣнно то, что если бы въ каждомъ право-

славномъ приходѣ была, хотя бы въ 1864 году, вмѣсто Положенія о попечительствахъ, организована приходская благотворительность на началахъ древне-русской церковно-приходской благотворительности, переселенія эти не имѣли бы такихъ размѣровъ и такого характера. Если присмотрѣться къ тому, кто въ одномъ—другомъ—третьемъ приходѣ собирается въ переселеніе, то окажется, что больше всего люди среднего достатка, затѣмъ богачи, а совершенно бѣдные, т. е. имѣющіе только дворъ и избу, земли или вовсе не имѣющіе, или владѣющіе ею въ очень маломъ количествѣ, не переселяются: не на что, говорятъ. И число послѣднихъ въ каждомъ приходѣ постоянно увеличивается. Выселяющіеся „на слободы“ обыкновенно продаютъ свою землю дорого среднимъ по состоянію людямъ, остающимся въ селѣ, и рѣдко богатымъ (они имѣютъ возможность дешевле и не по клочкамъ покупать землю). Это отражается на землевладѣніи замѣтнымъ образомъ: часть среднихъ по состоянію крестьянъ, поступають въ категорію богатыхъ, точнѣе приближающихся къ богачамъ, т. е. не могущихъ силами своей семьи обрабатывать свою землю и потому сдающихъ часть ея въ аренду бѣднымъ. Здѣсь выступаетъ, смотря по мѣстности, новый дѣятель—глубокій, на примѣръ, черноземъ въ Малороссійскихъ губерніяхъ, который, чтобы его вспахать, какъ слѣдуетъ, требуетъ не менѣе двухъ паръ воловъ, а коровъ или слабыхъ воловъ—требуется три—четыре пары. Такого количества рабочаго скота у бѣдняка нѣтъ; бѣдняки по этому „спрягаются“, т. е. два-три хозяина, скудные рабочимъ скотомъ, складываются, образуютъ одинъ „плугъ воловъ“ и поочередно вспахиваютъ свои участки. Случится несчастье, падетъ изъ этого плуга хотя одинъ волъ, это несчастье двухъ-трехъ домохозяевъ, двухъ-трехъ семействъ. Если бы въ приходѣ церкви существовалъ такой неприкосновенный капиталъ, изъ котораго бы можно было дать хозяину павшаго вола 40—50 рублей въ безпроцентную ссуду на годъ-два, сколько бѣдныхъ хозяевъ не поступило бы въ разрядъ неимущихъ. Если взять во вниманіе, что эти прихожане—плательщики податей, то не было бы не справедливо со стороны государства придти на помощь Церкви и образовать таковыя капиталы при сельскихъ православныхъ приходскихъ церквяхъ. Приходъ тогда бы зажилъ полнотою своей жизни, и отъ этого была бы большая польза для Церкви и для государства.

Какъ же это сдѣлать? Чтобы стать на правильный путь къ разрѣшенію этого вопроса, необходимо обратиться къ исторіи и привести на память, какъ вводила Екатерина Великая въ Россіи общественное призрѣніе:

„Когда, сказано въ книгѣ «Общественное призрѣніе въ Россіи» (Изд. 1818 г., ч. I стр., 104 и 105) въ 1767 году Россійское Дворянство и купечество, собравъ болѣе 52.000 рублей, предположило обратить оныя на сооруженіе ей памятника, она, узнавъ о семъ, отозвалась: *„Я лучше желаю воздвигнуть монументъ въ сердцахъ подданныхъ Своихъ, нежели на мраморъ“*, и вмѣстѣ съ тѣмъ помянутые 52.000 рублей, присовокупя къ онымъ собственно отъ себя 150.000 рублей, предназначила на устроеніе училищъ, сиротскихъ домовъ, богадѣленъ, больницъ и прочихъ выпеченоименованныхъ заведеній. Послѣдую тому, многіе изъ вельможъ также сдѣлали на сей предметъ пожертвованія и сумма на то составила до 500.000 рублей“.

Въ 1780 году, въ ожиданіи ея прибытія изъ путешествія, Дворянство и граждане города Санктпетербурга тоже собрали было знатную сумму для сооруженія ей триумфальныхъ воротъ. Императрица, узнавъ о семъ, писала изъ Смоленска къ главнокомандовавшему тогда въ Санктпетербургѣ фельдмаршалу князю Голицыну слѣдующее:

„Князь Александръ Михайловичъ! Увѣдомила Я, что Дворянство Санктпетербургской губерніи вздумало приносить Миѣ титулы, и соби-

рается сдѣлать огромныя встрѣчи. Вамъ извѣстенъ образъ мыслей Моихъ, а потому и судить можете, коль излишнимъ и непристойнымъ все то Я почитаю. Не пріобрѣтеніе пустыхъ названій есть предметъ Моего царствованія, но доставленіе блага и спокойствія Отечеству и вознесеніе славы и величія его. Почему и не можетъ иное Мнѣ пріятно и угодно быть, какъ повиновеніе Моей воли, и ревностное и тщательное каждымъ званія на него возложеннаго исполненіе, вмѣсто упражненія въ подобныхъ выдумкахъ. Равнымъ образомъ и встрѣча для Меня не нужна. Чего ради Я желаю, чтобъ собранныя деньги отданы были въ Приказъ Общественнаго Призрѣнія для употребленія на дѣла полезныя. Сіе письмо сообщите Князю Александру Алексѣевичу Вяземскому, такъ какъ можете сдѣлать тоже и со всѣми другими, кои будутъ любопытствовать о семъ. Пребываю впрочемъ вамъ доброжелательная“.

„На подлинномъ подписано и приписано собственною Ея Императорскаго Величества рукою тако:

Екатерина. Сіе есть непремѣнная Моя воля, которую выполнитъ вамъ предписываю“.

Данныя, въ этой выпискѣ отмѣченныя, свидѣлствуютъ, что учредительница Приказовъ общественнаго призрѣнія въ Россіи употребляла усилія къ тому, чтобы не только дѣло, врученное Приказамъ, было, по выраженію закона, «Богу пріятнымъ», но и почва, на которой оно поставлено и соки, которыми оно станетъ жить и развиваться, были Богу угодными. Екатерина Великая находила, что общественное призрѣніе должно быть религіознымъ дѣломъ, чуждымъ своекорыстія и суетности. Такимъ оно должно было стать, по мысли Великой Царицы; но, какъ опытъ показалъ, оно не столько религіознымъ духомъ жило и развивалось, сколько кредитными операціями Приказовъ призрѣнія. Каждому изъ вновь открываемыхъ Приказовъ выдаваемо было единовременно по 15.000 р. съ правомъ отдавать эти деньги заимообразно; чрезъ 50 лѣтъ кредитныя операціи Приказовъ увеличили ихъ капиталы, при пожертвованіяхъ частныхъ лицъ, до 25 милліоновъ, чѣмъ и организовалось и поддерживалось общественное призрѣніе въ Россіи до открытія земскихъ учреждений, а въ неземскихъ губерніяхъ и теперь оно живетъ организаціею, данною ему Екатериною Великою; духъ же, который усиливалась она дать своему любимому дѣтищу, не вселился и не могъ вселиться въ созданную ею организацію. Если признано будетъ необходимымъ ввести приходскую благотворительность въ православномъ народонаселеніи Россіи, то стремленіямъ Верховной Власти дать общественному призрѣнію въ Россіи религіозныя основы несомнѣнно найдется въ православныхъ приходахъ горячая отзывчивость. Организовать же такое дѣло можно только при томъ условіи, когда, во 1-хъ, по примѣру Екатерины Великой, будетъ дано ему соотвѣтственное начало, т. е. единовременное отъ государства пособіе для выдачи безпроцентныхъ ссудъ въ каждомъ приходѣ бѣднымъ прихожанамъ, впадшимъ въ несчастіе не по ихъ винѣ, и во 2-хъ, руководство и наблюденіе за развитіемъ этого дѣла поручено будетъ церковной власти и православнымъ братствамъ, которыя, представляя собою общественный элементъ, безъ примѣсей, какія введены въ приходскія попечительства, внесутъ въ это дѣло религіозное и патриотическое оживленіе и разнообразіе, обусловленное мѣстными особенностями и потребностями нуждающихся въ помощи.

Полагая на каждый приходъ 200 р. пособія и имѣя въ виду, что изъ 40.000 приходовъ, приблизительно для $\frac{1}{4}$ оное не потребуется; единовременный расходъ государства можно выразить 6 милліонами рублей. Эти 200 р. должны составлять ядро той оборотной суммы, которая не

можетъ не пополняться пожертвованіями благотворителей. Есть примѣръ пожертвованія 200 р., для выдачи безпроцентныхъ ссудъ бѣднымъ, впадшимъ въ несчастіе не по ихъ винѣ, того сельскаго прихода, въ которомъ родился жертвователь,—пожертвованія, внесеннаго въ Лубенское братство, имѣющее отдѣленія въ приходахъ уѣзда. Съ узаконеніемъ же подобной организаціи и при наличіи такого примѣра, который можетъ получиться отъ щедротъ царскихъ, притокъ пожертвованій на приходскую благотворительность, въ объясненномъ смыслѣ, представляется несомнѣннымъ.

По проекту подкомиссіи статсъ-секретаря Грота, предполагается, независимо отъ внесенія въ число обязательныхъ повинностей земства расходовъ по общественному призрѣнію, сдѣлать еще государственный налогъ на души, который давалъ бы ежегодно 4.000.000—5.000.000 р. Земство же 28 губерній расходуетъ на общественное призрѣніе, съ медицинскою частію, до 12.000.000 р., тоже ежегодно. По сравненію съ этими суммами, 6.000.000 р. *единовременнаго* пособія отъ государства на устройство общественнаго призрѣнія, организованнаго по взгляду и традиціямъ русскаго православнаго народа, не представляется большою суммою.